

НЕВЕСТА С АУКЦИОНА

ШАРЛИЗ ШЕЛДОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Шарлиз Шелдон

Невеста с аукциона

«Автор»

2022

Шарлиз Шелдон

Невеста с аукциона / Шарлиз Шелдон — «Автор», 2022

Отчим с матерью решили улучшить свое финансовое состояние, продав меня богатому старику. Их не интересовали мои чувства с эмоциями, наличие любимого парня. Главное - деньги. Однако, когда свадьба была в самом разгаре, недоброжелатели мужа подкинули ему свинью, похитив молодую невесту. Думали, что с престарелого «Рокфеллера» поимеют много денег, но их планам не суждено было сбыться. Как и моим. Вас когда-нибудь оценивали под сотнями взглядов? Как племенную кобылу, унизительно выкрикивая суммы денег... Нет, зато теперь я знаю, что такое человеческий аукцион и бесчеловечная жестокость. Особенно от того, кто купил тебя ради забавы. Содержит нецензурную брань. История не легкая и содержит тяжелые сцены.

© Шарлиз Шелдон, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Шарлиз Шелдон

Невеста с аукциона

Глава 1

– Катюша, – мама взхлеб рыдала у меня на груди, – Прости меня, пожалуйста. Умоляю, прости, солнышко. Если бы твой отец был жив...

– То что? – резко бросила я, – Что поменялось бы?

Я специально не жалела ее чувств. Эта женщина заслужила тех слез, что сейчас горько роняла на мою домашнюю кофту. Мне хотелось сделать ей больно. Чтобы она прочувствовала хоть сотую долю того, что испытала я. Чтобы в ее эгоистичном мозгу хоть что-то щелкнуло по настоящему, а не наигранно, как сейчас.

– Все, доченька, все, – выла мать, – Нам не пришлось бы несколько лет жить в нищете... Ик... мне не пришлось бы выходить замуж за твоего отчима... и сейча-а-а-с...аааа!

Она скатилась в истерику, сама веря в то, что несет, а я едва сдерживала злые слезы. Все-таки женский плач – вещь заразительная.

– Мама, успокойся. Выдохни и оставь меня. Я хочу побыть одна.

Женщина тут же прекратила завывания и подозрительно заглянула в мое лицо. Алчные глаза жадно выискивали хоть какую-то мою реакцию, но ничего не увидели.

– Ты что это задумала? Зачем хочешь одна остаться? Решила уйти из жизни и оставить нас одних разгребать проблемы?

– Решила отдохнуть от твоих фальшивых завываний, – презрительно ответила ей и отвернулась к окну, – Голова разболелась, знаешь ли.

Начало марта. На нашем участке еще лежит снег. Мелкие хлопья до сих пор опадают со свинцового неба, а у меня на душе почему-то стойкое ощущение, что впереди новый год, подарки и время, когда еще было ничего не известно.

– Да как ты смеешь, мерзавка! Я все делала ради тебя и твоего благополучия! И где благодарность? Мы с Витюшей мясом наружу вывернулись, но договорились с Амировым о вашем браке. Теперь ты всю жизнь будешь, как у Христа за пазухой, а мы решим наши финансовые проблемы. Ты же не хочешь, чтобы мать на старости лет влачила нищенское существование?

– Так выходи сама за Амирова, – закричала я, – Зачем вы с отчимом суете меня в постель этому старому жирному борову?! За что? Ты растила меня, чтобы в нужный момент расплатиться моим телом? А твой Витюша неплохо устроился. Трахает все подряд, играет в карты, проигрывает бизнес, а Катя должна лезть в койку к мужику.

Мать подскочила ко мне и отвесила звучную пощечину. Ее лицо перекошилось от злости, губа закушена до крови, а глаз нервно дергается. Ну хоть чем-то я смогла зацепить ее. Хотя, уверена, мой вид сейчас не лучше.

– Заткнись, малолетняя идиотка! – шипела она, – Тебя не в постель подкладывают, а выдают замуж за уважаемого человека. Генрих Эдельбертович – лучшее, что могло произойти в твоей жизни. Будешь сыта, одета, обута, да с побрякушками на каждом пальце. Нужно всего-то раздвинуть ноги и делать довольный вид.

– Ооо, ну конечно, тебе это хорошо знакомо, – выплюнула я, – Решила отправить меня по своему пути?

Мать взвизгнула и вцепилась мне в волосы, таская во все стороны. Пусть. Пусть подпортит товарный вид, авось щедрый женишок – любитель юного тела, посмотрит на предлагаемое и сморщит свой старый крючковатый нос.

– Неблагодарная дрянь, – кричала женщина, – Восемнадцать лет живешь на всем готовом и не хочешь помочь своей семье. Я в твои годы подъезды драила и мечтать не смела о такой жизни, какая сейчас у тебя. Да, Витенька проигрался в пух и прах, но в твоих силах помочь удержаться нам на плаву.

– Что у вас происходит?! – в порога моей комнаты прогремел раскатистый бас. Отчим пожаловал собственной персоной, – Я пытаюсь хоть часок поспать, а вы здесь орете, как драные кошки.

– Витенька, – мама оставила меня в покое и бросилась к мужчине, – Вот занимаюсь воспитательным процессом с Катюшой.

– Поздно уже. Надо было раньше ремень почаще доставать, – недовольно протянул отчим, полоснув по мне равнодушным взглядом.

– А вас в детстве видимо не пороли? Зря, может что-то путное бы и вышло, – крикнула я. Обида и злость распирали грудь так, что хотелось визжать и крушить все вокруг. Почему такая несправедливость?

– Заткнись. И только попробуй хоть слово вякнуть при Амирове, – бросил он, даже не взглянув на меня. Зато его многообещающий взгляд прошелся по матери.

– Иначе что?! Продашь меня другому? Так давайте посмотрим всех! – истерично рассмеялась я, – Никого из вас не смущает, что у меня есть любимый жених? Вы вообще понимаете, что я живой человек, а не очередной Мерседес в вашем гараже?

– Витенька, не сердись, – залебезила мать, – Я все решу. Она будет шелковой во время обеда. Обещаю.

Женщина попыталась обнять необъятную тушу отчима, но тот ее легко оттолкнул, выпятив губу.

– Реши проблему. Иначе нам всем несдобровать, – он указал на меня и величественно выплыл из комнаты.

– Слышала, Катька? Он злится! А все из-за тебя, – как змея шипела она, – Иди мойся и будь готова к обеду. Амиров приедет в два. Через час я к тебе зайду и проконтролирую. Только попробуй с собой хоть что-нибудь сделать. Лично потом удавлю в ванне. Поняла?

Я печально ухмыльнулась и мысленно послала ее настолько далеко, что даже глобус не знал таких направлений.

– У тебя час, Катя, – мать просверлила меня взглядом и убежала вслед за «Витюшей».

* * *

Я разделась догола и сбросила на пол одежду. Большое зеркало во всю стену ванной комнаты беспристрастно отражало испуганную девушку. Оставшись наедине с собой, эмоции взяли надо мной верх.

Мне было страшно, обидно и очень-очень горько. Не понимаю, за что судьба так ополчилась на меня. За свои восемнадцать лет я толком и не успела сделать хоть что-то, что заслуживало бы таких тычков.

Моя мама познакомилась с отцом в маленьком северном городке. Там не было толком цивилизации, люди жили за счет тяжелого физического труда. Папа приехал в военную часть с инспекцией, да так и остался на пару лет, встретив мать.

Она всегда была женщиной яркой, броской. Знала о своей красоте и старалась пользоваться этим во всем. Поэтому, увидев в городке приезжего высокого блондина из Москвы, вцепилась в него клешом.

Зарплата военного по тем временам была сущие копейки. Молодая семья экономила на всем, а маме действительно приходилось мыть подъезды, чтобы они не голодали. За два года жизни в городе N отец столько наслушался, что вскоре плюнул и уволился из армии. Они переехали с матерью в Москву, где папа начал собственный продуктовый бизнес.

Вскоре на свет появилась я. Любимая доченька для отца. Для мамы же я всегда являлась отличным инструментом манипуляции и воздействия на него.

Папин бизнес шел в гору. Наша семья ни в чем не нуждалась, покупала квартиры, меняла машины. Мы ездили на лучшие курорты, а мама старательно обзаводилась ювелирными цацками. Все бы и дальше так шло, но беда без спроса постучала в наш дом.

Отец связался не с теми партнерами. Его кинули, отобрали процветающий бизнес и принудительно изъяли все имущество. Только и этого подонкам показалось мало. Поймав азарт «легкой» добычи, они захотели развлечься с моей мамой. Отец бросился на защиту, но получив смертельное ранение...

С тех пор наша жизнь была похожа на выживание. Мать круглыми сутками редела, пока в один день не взяла себя в руки и не нашла другого мужчину. Через месяц после смерти отца.

Я уже и не вспомню, сколько точно их было, но каждый из них содержал нас. Последний «Витюша» с мамой уже больше восьми лет. Они женаты и по-своему даже счастливы.

Виктор владеет крупной сетью строительных магазинов. Он богат и в принципе не жаден. Вот только у нас с ним любви не случилось. Я осталась полностью эмоционально равнодушна к этому человеку, а он в свою очередь не сильно жаловал чужой «приплод».

Правда вскрылась пару лет назад, когда в дом вломились ребята в масках и стали методично обыскивать помещения, угрожая расправой. Они забирали все ценное, при этом выкрикивая, что карточный долг – это святое.

После такого нашествия мама хотела развод, но Виктор на коленях умолял ее не горячиться и не делать глупости. Она боялась повторения истории, что останется ни с чем и на улице. А за эти годы женщина привыкла жить на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Это я ходила в обычную школу и одевалась в масс-маркете, а мама любит дорогие бренды.

И вот так теперь повелось, что «Витюша» заядлый картежник. После серии скандалов с матерью он выделил ей неприкосновенный запас на случай ЧП, и спокойно продолжил играть, спуская крупные суммы.

Последняя его игра вышла из-под контроля. Он переборщил с алкоголем, вошел в раж и сдуру поставил на кон часть своего бизнеса. Естественно, он ее проиграл. У него не было шансов против опытных «акул», мигом почувствовавших слабость.

На утро с больной головой он выслушал серьезных ребят, приехавших по его душу, да и слег в больничку с инфарктом. Отвертеться не было возможности. Его слова, их игра, подписание условного контракта – все, абсолютно все было снято на камеру. Серьезные люди взялись решать этот вопрос, чтобы довести его до конца. Ведь карточный долг – это святое. А тут такая нажива.

Он не терял весь бизнес. Или даже половину. Тридцать процентов Виктор проиграл той ночью. Остатка хватит на еще много жизней вперед. Однако, отчим полегал в больничке, прокапался витаминками да нашел выход из этой проблемы. Свести падчерицу, которой едва стукнуло восемнадцать, с одним из тех, кто контролировал удачное завершение сделки.

Так называемый в криминальных кругах Судья – Амиров Генрих Эдельбертович жадно облизнулся на такое предложение и пообещал «замять» передачу тридцати процентов. Здорово, правда?

Старику шестьдесят с хреном лет, а мать с отчимом думают, что я от радости буду ноги им целовать. Нет уж. Не тот у меня характер.

Яростно терла тело жесткой мочалкой и думала, как бы поступить, чтобы Амиров добровольно отказался от меня. Объективно оценивая себя, могу сказать, что я красива. Длинные светлые волосы, аккуратные черты лица, яркие голубые глаза. Фигура у меня точеная, с хорошей грудью и округлыми бедрами. Все это не скрыть, не имея нужных навыков.

Значит, нужно устроить небольшое шоу за обедом и неприятно поразить женишка сварливым характером, отсутствием манер. Устроить скандал, перейдя на оскорбления. Продemonстрировать гипотетическую алчность. В общем, всячески вызвать неприязнь.

Наметив план действий, я ухмыльнулась. Мы еще повоюем.

Глава 2

Я бодро выскочила из ванны, испытывая странную дрожь во всем теле. Меня лихорадило от нервов и мыслей, как осуществить задуманное. Вроде все распланировала, а теперь тряслась в нервном мандраже.

Подошла к гардеробной комнате и замерла. Мне нужно было что-то аляпистое и безвкусное, чтобы «поразить» Амирова в самое сердце. Что-то кричащее издалека об отсутствии вкуса. Что-то, что скрыло бы мою фигуру и оттянуло внимание с лица.

И кажется, такая вещь у меня есть. Ядрено-салатовое платье мешок в ярко-розовую полоску. На рукавах объемные воланы лимонного цвета. Низ платья обшит прозрачной фетровой тканью, что в целом делает меня похожим на современное пугало. В принципе, его я и играла в театральной постановке в школе.

В дополнение натянула красные колготки и оранжевые туфли. Надеюсь, у дядечки резко случится ступор, а после все желание свататься пропадет без следа.

Подбежала к туалетному столику, где была свалена моя косметика и духи. Вот и пригодился когда-то подаренный флакончик парфюма. Резкий запах марлевых бинтов, йода и аптеки. То, что надо. От такого амбре разбегаются тараканы и мыши, а тут всего один дед. Для верности нанесла чуть ли не полфлакона.

Раскрыла свои многочисленные палетки и щедрой рукой нарисовала себе фиолетовые тени, голубые стрелки. Заметно темный тональный крем, вульгарная бледно-розовая помада, кирпичного оттенка румяна.

Я торопилась успеть до прихода матери, поэтому даже не старалась, чтобы это выглядело аккуратно. Намеренно делала из себя страшилу с поехавшей головой. Был риск, что мать заставит приводить себя в порядок, но я что-нибудь придумаю. Выкручусь или запрусь в шкафу в конце концов. Главное было потянуть время.

Стоило так подумать, как внизу раздался громкий сигнал клаксона. Кто-то подъехал к воротам. Выглянула вниз из окна, и сердце забилося, как птичка в силках. На КПП за массивной решеткой и шлагбаумом нетерпеливо мигали фарами два Гелендвагена.

Покосилась на часы. Что-то гости сильно раньше прибыли. Их ждали только через полтора часа.

– Катька, – в дверь забарабанила мама, – Ты готова? Амиров приехал пораньше. Давай выходи и спускайся вниз. Мне нужно на кухню бежать, поторапливать прислугу.

– Хорошо, я одеваюсь, – вполне миролюбиво крикнула, чтобы отвести подозрения.

– Давай реще, не задерживайся. Через десять минут, чтобы была внизу.

– Хорошо, – улыбка сама по себе расплзлась по моему лицу.

Как же удачно все складывается.

Вроде и понимаю, что мои попытки избежать нежелательного замужества могут показаться детскими и взбалмошными, но это моя жизнь. Я не хочу в восемнадцать лет выходить замуж за того, кто в три раза старше.

У меня есть любимый парень Лешка, с которым мы встречаемся уже семь месяцев. Этот веселый блондинчик сразу стал мне другом и верным помощником во всем. Мы познакомились на первом курсе универа, куда я поступила на бюджет. Сама! Без помощи матери или денег отчима. Просто голова схватывает все знания буквально налету, и учеба никогда не казалась мне каторгой.

За семь месяцев мы с Лешкой узнали все друг о друге. Нам было хорошо вместе, спокойно, надежно и весело. До самого «пикантного» мы еще не успели дойти, но этим летом собирались вместе поехать в туристический поход на Алтай, где и планировали *сделать это*.

Одна мысль о сексе с ним переворачивала все в моей душе. Было волнительно и страшно, но в то же время скорее хотелось вкусить запретный плод. Горячие поцелуи во время прогулок по городу сводили с ума, каждая клеточка тела пылала огнем.

Жаль, что недавно, еще как только я узнала обо всем, мой Лешка уехал к отцу в Англию на три месяца. Мы созванивались с ним пару раз, но у него вечно не хватало времени, а мне так хотелось его живого общения, теплых рук и мягкой улыбки. Он бы обязательно что-нибудь придумал, чтобы вытащить меня из этой ситуации.

Ладно, не время хандрить. Пора действовать самой.

Для надежности я выждала еще пятнадцать минут, приоткрыла свою дверь и прислушалась. Из гостиной на первом этаже едва доносились приглушенные голоса отчима и гостя. Мать что-то щебетала, руководя горничными, потом слышались гулкие звуки ее каблучков. Все, все в сборе в гостиной. Теперь мой выход.

Закрyla за собой дверь и вышла в коридор. Взгляд случайно упал в зеркало, и я аж вздрогнула. Божечки, да меня саму чуть кандратий не хватил, может, стоило пощадить женишка? Неаккуратный начес на голове опасно накренился вбок, словно ему самому было неловко «украшать» такую идиотку.

Подoшла к лестнице, ведущей на первый этаж, и сделала первый шаг. Внизу голоса стихли. Все дожидались меня.

– А вот и наша доченька, – слащаво пропела мать, – Катенька.

– Горю от нетерпения с ней познакомиться, – чужой голос неприятно резанул слух.

– Горит он, – ухмыльнулась себе под нос, – Посмотрим, с каким нетерпением ты будешь удирать отсюда через час.

Я спускалась медленно, звонко чеканя шаг. Сердце билось, как сумашедшее. Все-таки эта выходка может дорого мне стоить.

– Кхм...кхе-кхе, – раздалось деликатное покашливание. Кажется, гостю стали видны мои ноги и низ платья.

Еще шаг, два, три и я ступила на первый этаж, лучезарно улыбнулась, не забыв скосить глаза к носу. Хотела сделать книксен, но передумала.

– Всем добрый день!

Отчим с матерью заподозрили что-то неладное, когда гость приложил руку к груди и едва не давился от смеха. Они сидели спиной ко мне и не видели торжественного появления «спасительницы» бизнеса.

Я тем временем разглядывала Амирова. Лет шестьдесят пять на вид, чрезмерно полный, с живыми бегающими глазками и козлиной бородкой. Одет в дорогой вычурный костюм, на мизинце красуется роскошный перстень с блестящим камнем.

Судя по смеющимся глазам, старик понял с первого взгляда, чего я хотела добиться, и сейчас не очень одобрительно качал головой.

– Господи! – мать повернулась, – Катя... что ты с собой сделала?

– Чем так пахнет? – вдруг высказался гость, – Кому-то плохо?

– Это мои любимый духи, – встряла я, – Всегда ими поливаюсь по полфлакона.

Отчим встретил меня злым взглядом и сильно сжал кулак, кивнув матери.

– Прошу простить нас, – ее голос трясся, – Мы сейчас вернемся. Девочка просто переволновалась и не справилась с подбором гардероба.

– Мапочка, – притворно воскликнула, – Я надела то же, что и всегда. Зачем ты так говоришь?

– Катя, прекрати, – жалобно шипела она.

– В этом доме сегодня подают обед вообще? – громко спросила, косясь одним взглядом на Амирова, – Жрать хочется.

– Катя, иди в свою комнату. Проследи за ней. Жду через 10 минут вас внизу, – холодно приказал отчим, стараясь не смотреть на откровенно веселящегося гостя.

– Пойдите, – вдруг произнес Амиров, – Пусть девочка будет в том, в чем ей комфортно. Ни одна вульгарная тряпка не способна скрыть той красоты, что ты мне показывал на фото.

Гость едва кивнул мне с хитрым прищуром, мол, один-один.

– Фото! Сейчас с помощью фотошопа можно нарисовать все, что угодно, – буркнула я.

– Присаживайся, Екатерина. И что же, ты хочешь, чтобы мать сейчас тебя насильно умыла и передела? – спокойно спросил он.

Я села за стол, намеренно громко протасив стул по полу.

– Насильное умывание не добавит мне красоты и хороших манер, – посмотрела ему в глаза и поставила локти на стол.

– Это точно. Особенно, когда сильно не хочешь демонстрировать их наличие. Так?

– Не хочу вас разочаровывать, но у меня их нет. Родительница не потрудилась воспитать благопристойную леди, – я широко улыбнулась, не забыв скосить глаза, – Да и природа не надела меня умом. Так что, какие манеры?

Мать с отчимом не вмешивались в наш диалог, но по их то краснеющим, то синеющим лицам, я понимала, что позже в ванне топить меня будут оба. Эта отчаянная выходка не сойдет мне с рук.

– А вот у меня другая информация, – продолжил старик, не обращая внимания на мои кривляния, – Или ты думаешь, я покупаю кота в мешке?

– Думаю, ваши информаторы специально все перепутали.

– Тогда они лишаться головы за свою ложь, – Амиров улыбнулся и ласково посмотрел на отчима, – Но ваше счастье, что я привык никому не доверять. Мои люди собрали о тебе всю информацию и даже фото разных годов. Круглая отличница, красавица и спортсменка, играющая в театральном кружке.

– Тогда они должны были сообщить, что у меня уже есть любимый человек.

– Сообщили. Вот только он крайне не вовремя улетел в Англию, верно? Видишь ли, бизнес для отца твоего мальчика намного важнее, чем легкая влюбленность его сына.

Мой рот неприлично раскрылся от этого нескромного намека. Амиров посмотрел на мое шокированное лицо и улыбнулся. А меня аж передернуло, особенно, когда свет от люстры, весело заискрился на его жирной лысине.

– Что ж, если обмен любезностями окончен, мы можем приступить к обеду, – предложил гость, – А то, как ты ранее выразилась, жрать хочется.

Мать с отчимом тихо выдохнули и быстро переглянулись. Амиров же спокойно взял приборы и принялся аккуратно нарезать рыбу.

Глядя на этот пир во время чумы, мне кусок в горло не лез. Хотелось кричать и бить посуду, а потом убежать далеко-далеко. Кстати... а не выход ли это для меня?.

Шестеренки в голове начали активно крутиться, придумывая пути отступления и планы побега. У меня есть собственная заначка, в которой больше десяти тысяч долларов. Этого должно хватить, чтобы уехать подальше отсюда. Выбрать средненький городишко, купить новый паспорт, устроиться на работу.

Не думаю, что мать будет по мне скучать. Разве что по упущенной возможности сохранить бизнес и породниться с влиятельным человеком. А я по ней... буду, конечно.

– Екатерина, – вырвал меня из задумчивости требовательный голос отчима.

– А?

– Я спрашивал, о чем задумалась? – ласково поинтересовался Амиров.

– Да вот размышляла, что вы подарите мне на свадьбу, – едко ответила ему, – Бриллиантовое кольцо? Или красный Мерседес? Ой, нет. Хочу и то и другое сразу!

Отчим прикрыл лицо рукой, а мать посерела от моей наглости.

– А ты мне что подаришь? – вдруг спросил Амиров.

– Себя! – гордо ответила ему, не забыв в конце хрюкнуть от смеха, – Вам ленточку красную или черную?

– С твоей стороны это будет очень щедрый подарок, – постарался серьезно ответить он, – Поэтому я подумаю и о колье, и о мерсе. Тебе последнюю модель?

– Эх, продешевила, – притворно вздохнула, чем вызвала у него смех.

Обед и дальше вяло протекал. Отчим перетянул все внимание на себя, а я уже все спланировала в голове. Сегодня, когда мать с Виктором лягут спать, я соберу самые необходимые вещи и сбегу. И пусть Амиров по общению не самый противный человек, но выходить за него замуж насильно я не буду. Лучше убейте здесь и сейчас.

– Ладно, все было вкусно, но нам пора, – вдруг сказал Амиров, отставляя бокал в сторону.

– Уже уходите? Но еще же десерт, – протянула мама.

– Уверен, что он такой же превосходный, как и вся остальная еда, – тепло улыбнулся гость, – Но нам с Катенькой пора.

– ЧТО?! – вилка выпала из моей руки.

– КАК?! Уже? – мать наиграно схватила за сердце.

– Вот и хорошо, – отчим облегченно выдохнул. Переживал, видать, что товар не понравится.

– Я никуда с вами сегодня не поеду, – отрезала я, – Вы сначала договоритесь с отчимом о свадьбе, вот там и увидимся.

– Ты, конечно, хитрая девочка, но у тебя на лице все написано, Катя, – спокойно сказал старик, – Думаешь, я не понимаю, какие мысли сейчас бродят в твоей голове? Поэтому оставлять тебя одну здесь я не намерен.

– У меня нет никаких мыслей в голове. Куда я сбегу из собственного дома? – затараторила я.

– Вот ты и рассказала, о чем думала, – удовлетворенно кивнул он, – Побег. Не самое дальновидное решение. Если тебе будет интересно, чуть позже я объясню почему.

Прикусила язык и мысленно застонала. Подловил гад.

– Я никуда с вами не поеду, – отчеканила каждое слово, сжимая в руке вилку. Если что, буду защищаться ею до последнего.

– Не слушайте ее, – залебезила мать, – Сама не знает, что говорит. Это от счастья, Генрих Эдельбертович!

– Катя, не позорь нас, – холодно и отстраненно попросил отчим, – Генрих Эдельбертович – твой будущий муж. Ты должна во всем его слушаться и не перечить.

– Вам оно надо? – я посмотрела на Амирова бешеной кошкой, – Серьезно думаете, что я буду вас слушаться и не перечить? Найдите любую другую девушку, которая захочет за вас замуж! Поверьте, это только начало, дальше будет еще веселее. Лучше убейте сразу!

Во взгляде старика на мгновение проскочила растерянность, но он быстро взял себя в руки. Широкое круглое лицо недовольно нахмурилось. Глаза метнулись к отчиму. В них читалось сомнение.

Я замерла, наблюдая за этим. Ну же, прими правильное решение. Ни к чему тебе такие проблемы на старости лет.

– Дмитрий, Сергей, – вдруг позвал Амиров.

В гостиную незаметно проскользнули два бугая с каменными лицами. Они мазнули по мне взглядом, но ни один мускул не дрогнул.

– Посадите девушку во вторую машину, – приказал гость, кивая на меня, – Аккуратно! Без применения силы. А ты, – он повернулся ко мне, – Не хочешь по-хорошему, значит будем воспитывать тебя.

– Нет, – прошептала одними губами, – Вы не посмеете! Мама, сделай хоть что-нибудь... За что ты так со мной?!

– Доченька, ты будешь счастлива! Мы будем навещать тебя с Витюшей, – радостно пропела она.

– Только, если Катя будет хорошо себя вести, – отрезал Амиров.

Я вцепилась в стол, наблюдая как эти уроды подходят ко мне. Из глаз уже вовсю текли злые слезы отчаяния. Еще немного и я разревусь окончательно. Сердце болезненно сжалось, будто его протыкают острой длинной иглой.

Мужчины взяли меня под локти и попытались оторвать от стола. Но я крепко в него вцепилась.

– Нет, нет, нет, – твердила, как заведенная.

Дмитрий с Сергеем бросили настороженный взгляд на Амирова, и получив от него молчаливый кивок, просто подняли меня на руки и поволокли на улицу. В моем клоунском наряде, без личных вещей и дорогих сердцу безделушек. Забрали, как щенка из приюта.

– Не сопротивляйтесь, – жестко предупредил то ли Дмитрий, то ли Сергей, – Вы навредите сами себе.

Я вырывалась и пыталась освободиться из захвата, но сильные руки железной хваткой держали мое ослабевающее тело. Перед глазами все сильнее темнело, а в ушах становился громче тонкий писк вперемешку с шумом. Движения собственных рук постепенно замедлялись, пока они не повисли плетью под неподъемной тяжестью.

– Она теряет сознание, – крикнул мой мучитель, оборачиваясь на спешащего следом Амирова. Тот шел, грузно переваливаясь, не сводя взгляда с моих свисающих ног в красных колготках.

– Клади назад и поехали, – приказал Генрих Эдельбертович, – Вызови врача домой.

Это было последнее, что я услышала, когда закрыла глаза и провалилась в спасительную темноту. Где-то в ней, далеко-далеко, мой папа тихо шептал мне ушко, что я сильная у него, что я справлюсь. Он говорил, что любит меня и всегда будет рядом, стараясь защитить. А я просилась к нему, звала, но папа отдалялся и уходил, качая головой, что мне еще рано.

Глава 3

Массивное зеркало в тяжелой позолоченной раме беспристрастно отражало бледную печальную девушку. Это была я.

Свадебное платье, которое весило больше меня самой, неприятно тянуло вниз. От него при ходьбе подгибались колени, а через пару минут начинала ныть поясница. Дорогой плотный шелк был весь усеян сверкающими кристаллами и драгоценными камнями. Из них состояла и моя диадема, возвышающаяся над головой на добрых пятнадцать сантиметров. Уши оттягивали огромные серьги с бриллиантами, на двух пальцах крепко сидели массивные перстни с теми же камнями, а шею украшало тяжелое кольцо.

Просто мечта цыганского барона, а не невеста шестидесятипятилетнего старика. В таком возрасте скромнее надо быть, думать уже о вечном, а не о юном теле отбрыкивающейся девушки.

Глаза защипало, снова слезы. Мои постоянные спутники за прошедший месяц.

Генрих Эдельбертович оказался своеобразным человеком. Большую часть жизни крутился в криминальных кругах, зарабатывал вес и авторитет. Не раз сидел в тюрьме, что сыграло ему на руку в его «карьере». Последние лет пять тихо отходил на пенсию, гребя под себя деньги и чужие бизнесы. Чтобы хватило на безбедную старость ему и его внукам. Последних еще не было, но с моей помощью он планировал ими обзавестись. А мне следовало подарить ему сына или дочь в ближайшее время.

Этой свадьбой он ставил жирный крест на своей карьере в криминальных структурах. Из уважения к возрасту и за былые заслуги сход всей воровской братии дал ему спокойно уйти и «пожить для себя».

Когда он привез меня в свой загородный дворец, я все еще была без сознания, плавая в темноте и не ведая, что происходит. Его люди отнесли меня в комнаты, горничные раздели и умыли, приводя в порядок волосы и лицо.

Очнулась я, когда кто-то мерил мне давление. Предплечье сильно сдавило ремнем тонометра, и мое тело инстинктивно отшатнулось.

– Тише, тише, – заговорил кто-то, – Я всего лишь врач и осматриваю тебя.

Над кроватью склонился симпатичный мужчина в очках, а за его спиной маячил бледный Амиров.

– Ничего страшного, – успокоил нас врач, – У ребенка всего лишь сильный стресс и нервное истощение, которые вызвали такой длительный обморок.

– У ребенка? – удивленно переспросил Генрих.

– Ээм, а сколько девушке лет? – растерялся врач, – На вид не больше пятнадцати.

– Восемнадцать, – прохрипела я, чувствуя, как горло саднит. Наверное, сорвала голос, пока кричала и отбивалась.

– Прошу меня извинить, – мило улыбнулся мужчина, – Вы очень молодо выглядите, вот я и ошибся.

– Док, ты давай по делу, – рассердился Амиров, – Как ее лечить?

– Девушке сейчас нужен хороший сон, обильное питание, фрукты и отсутствие всяких стрессов. А дальше молодой организм сам справится.

– Может, какие-нибудь успокоительные выпишешь? – надавил на него женишок.

– Если вы настаиваете, Генрих Эдельбертович, то без проблем, – он легко пожал плечами, написал рецепт на бумажке и стал собирать свой кофр.

Врача вскоре выпроводили, а ко мне в комнату вернулся Амиров. Он помялся на пороге, но уверенно прошел до кровати и сел на кресло рядом.

Я из принципа отвернулась от него, уставившись на золотой орнамент стен.

– Как тебе твоя комната? – заговорил он.

– Безвкусица.

Ни капли не соврала. Каждая деталь интерьера либо кричала о баснословной стоимости, либо была золотого цвета.

– Не большая, чем твой бывший наряд, – улыбнулся он, – Жаль, я думал тебе понравится. Если захочешь чуть позже можешь пройти и выбрать спальню себе по вкусу.

Мой взгляд метнулся на собственное тело и я запаниковала. На мне была милая пижамка из шортиков и короткой маечки. Руки потянулись к лицу и волосам. Кто-то потрудился все смыть и привести меня в божески вид.

– Не переживай, переодевала тебя твоя горничная. И ты уж извини, Катюша, но твой боевой раскрас индейцев она смыла, – усмехнулся он, – Без косметики гораздо лучше. Док прав, действительно не дашь больше пятнадцати лет.

– Не бойтесь, что посадят за растление малолетних? – резко бросила я.

– Формально ты совершеннолетняя, а тюрьмы я не боюсь. Жизнь есть везде. Другое дело, что мне уже здоровье не позволит наслаждаться блатной романтикой.

– Отлично, вы еще и бывший зэк, – не подумав, ляпнула.

– Катюша, следи за язычком своим. Чтобы больше я такого от тебя не слышал.

На этом наш разговор застопорился и Генрих Эдельбертович еще немного посидел рядом со мной, потом оставил одну. Я встала, легко пошатываясь, и добрела до балкона. Распахнула тяжелые створки и босиком вышла на непокрытую крышей лоджию. Ледяной холод от плитки, промозглый мартовский ветер пробуждали, приводили в себя, давая понять, что это не сон.

У Амирова был большой, просто огромный дом в три этажа. Территория вокруг тоже поражала масштабом, и лишь где-то вдалеке виднелся забор, за которым начинался густой темный лес.

– Екатерина Михайловна, – ахнул женский голос за моей спиной, – Ну что же вы творите? Раздетая вышли на улицу, хотя сами только встали из обморока!

Обернулась на звук. Передо мной стояла средних лет горничная, если судить по форме.

– Я теперь ваша горничная, – подтвердила она на мой немой вопрос, – Можете обращаться ко мне по имени. Светлана.

– Светлана, где я?

Такого женщина не ожидала услышать и заметно растерялась.

– Вы в доме Генриха Эдельбертовича.

– Это понятно, – отмахнулась, – Территориально где мы находимся?

– Шестьдесят километров от Москвы по западному направлению, – осторожно ответила она.

– А точнее?

– Боюсь, у меня нет полномочий говорить с вами об этом, – она опустила глаза вниз и приняла покаянный вид, – Хотите горячего чаю? Или какао?

– Просто воды, если можно.

С тех пор эта женщина стала и моей нянькой, и невольной охранницей, и собственно горничной.

Как-то раз зашел Амиров, оглядел мой нахохленный вид и спросил:

– Поговорим?

– Ну давайте. Я вас слушаю.

– Через три недели наша свадьба, – огорошил он меня, – И если ты хочешь принимать участие в ее организации, то пора вылезать из своей раковины и прекращать упиваться надуманным горем.

– Надуманным? – взвилась я, – Вы в своем уме? Поставьте себя на мое место!

– А чем тебе не нравится твое место, красавица? Молода, красива, скоро будешь богата и при влиятельном муже. Любые курорты к твоим ногам, шмотки, цацки, все, что хочешь. Чем плохо?

– Вы не понимаете, – заломила руки, – Я...

– Дело во мне, – понятиливо кивнул Амиров, – В восемнадцать лет хочется искренней и чистой любви, такого же молодого партнера, чтобы кровь горячая и все дела.

– У меня есть парень и я его люблю. А вы...

– А я не вписываюсь в твою картину миру, – весело усмехнулся он.

– Да, – я просто признала это вслух.

– Юношеская влюбленность длится недолго, Катюша, а статус и деньги они с тобой навсегда. При грамотном использовании, – поспешно добавил он.

– Мне это не нужно. Сама заработаю себе на безбедную жизнь, – отрезала я, твердо уверенная в этом.

– Верю. В тебе есть нужный стержень. Я с первых минут понял, что ты необычная девушка. Это надо же – нарядиться таким пугалом, чтобы я передумал, – весело рассмеялся он, отчего его щеки заразительно затряслись.

– Можно подумать что у меня было много вариантов, что делать, – выдохнула я и уставилась в окно. Там на улице было мрачно и серо. Совсем так же, как у меня на душе.

– Не было, – согласился он, – Твой отчим с мамашей совсем отпетые суки, раз предложили своего ребенка в обмен на бизнес. Если бы моя дочь так плакала при виде будущего жениха, я бы поубивал всех, по чьей вине она пролила слезы.

– А чем вы отличаетесь от отчима с матерью? Такая же... кто согласился на этот обмен.

– Согласен, но ты и не моя дочь, а будущая жена, которая мне очень сильно понравилась.

– А вы мне нет, – не могла удержаться и не сказать гадость.

– Знаю, но надеюсь со временем ты узнаешь меня лучше и привыкнешь. А пока, прекращай наводить в комнате сырость и присоединяйся к организации свадьбы. Там праздничное агентство уже с ног сбилось, согласовывая со мной каждую мелочь.

– Мне глубоко все равно на эту свадьбу. Делайте, что хотите, – равнодушно пожала плечами, даже не повернув головы.

– Жаль, второй свадьбы тебе не светит еще как минимум лет двадцать.

– Почему двадцать?

– А ты думаешь, я проживу меньше? – иронично улыбнулся Амиров, – Хотя твоими молитвами вполне возможно.

Мужчина грузно встал и медленно пошел на выход из комнаты.

– Зачем вам именно я? – бросила ему в спину, – В мире полно жаждущих такой жизни девушек. Почему я?

– Стечение многих обстоятельств? Твой отчим предложил, а я не смог отказаться. Возврат его бизнеса уже был запущен на момент, когда познакомился с тобой. Отменять что-либо было поздно. В моем мире так не принято. Да и честно, Катюш, понравилась ты мне. Есть в тебе что-то шальное, что напоминает мне об ушедшей молодости.

– Видимо в ваши годы я буду вспоминать о загубленной молодости, – горько проронила я, чувствуя, как слеза стекает по щеке.

– Жизнь длинная, Катя. Не зарекайся, – Амиров покачал головой и вышел.

Все следующие дни и недели я не выходила из своей комнаты. На любые предложения Генриха Эдельбертовича отвечала отказом. На вопросы о свадьбе равнодушно пожимала плечами и предлагала решать ему самому.

Будь я на его месте, уже давно разозлилась бы и пинками выгнала такую «невесту». Зачем мне рядом человек, которого воротит от одного лишь моего вида? Но Амиров вполне достойно терпел и проявлял чудеса доброты и понимания. Вот только надолго ли его хватит? Мне, как

назло, хотелось его спровоцировать и вывести из себя. Но мужчина не поддавался на детские выходки и злые слова.

Лишь раз у нас состоялся нелицеприятный разговор, после которого мне снова вызывали врача, так как у меня подозрительно защемило сердце, и я начала задыхаться от подступающих слез.

– Катя, ты ведь понимаешь, что роль жены подразумевает делить одно ложе с мужем? – начал Амиров издали.

– Я не буду с вами спать добровольно. Можете вон позвать своих псов Сергея с Дмитрием, и им придется меня держать, – зло усмехнулась прямо ему в глаза.

– Ты все еще обижена, что они насильно тебя унесли из дома, – покачал он головой.

– Нет, что вы. Я обо всем забыла, стоило увидеть ваш роскошный дом, – съязвила я.

– Катенька, мне нужны от тебя дети. Такие же языкастые и ершистые, как ты. При нужном воспитании вырастут более чем достойными людьми.

– Воспользуйтесь услугами суррогатной матери!

– Я женюсь не для того, чтобы мне рожала детей чужая баба, – мягко возразил он.

– Так и я вам чужая баба!

– За эти две недели, что ты у меня, уже не чужая.

– Пусть другая поживет у вас несколько месяцев и будете как родные с ней.

– Катя, – Амиров добавил стали в голос, – Не вижу смысла и дальше с тобой пререкаться, поэтому просто ставлю перед фактом. Будь готова принять меня в брачную ночь. Я и так щажу тебя, не трогаю сейчас и даю личное пространство со свободой. Другой вопрос, что ты этим не пользуешься и продолжаешь упиваться своим несчастьем.

От услышанного у меня чуть не подкосились ноги, благо я сидела. Но все тело тут же затряслось, как от лихорадки. Слезы невольно потекли, пока дрожащие руки их нервно утирали.

– Нет, – через сбившееся дыхание кое-как ответила.

– Катя! – Амиров непривычно повысил голос и стукнул кулаком по столу, – Прекрати реветь! От этого еще никто не умирал.

– Да лучше бы я умерла! – закричала и вскочила с кровати, чувствуя, как в груди что-то сильно печет.

– Не смей так говорить, глупая девчонка, – впервые закричал Генрих Эдельбертович, – Ты еще жизни не знаешь, а несешь такие глупости. Любая другая уже давно бы молча раздвинула ноги и опустошала мои карты в ЦУМе!

Мне было сложно дышать. Горло сдавил спазм, а с левой стороны груди кто-то невидимый играл с моим сердцем. Было ощущение, что чья-то рука беспощадно сжимает его и отпускает. Сильно сдавливает и снова дает передышку.

Я упала на колени, держась за грудь и горло.

– Катя? – Амиров бухнулся рядом и заглянул в мое посиневшее лицо, – Твою мать...!!!

Врач прибыл через двадцать минут. Только увидев меня, он тут же стер благодушную улыбку с лица и бросился к своему чемоданчику.

– Шоковая асфиксия, – сказал он, когда приступ меня отпустил.

– Что это? – на Генриха Эдельбертовича было страшно смотреть. Он сам побелел, как мел, а круглая физиономия слегка вытянулась.

– Если говорить проще, то гипервентиляционный синдром.

– Ты издеваешься?

– Психоневрологическая патология. От стресса нарушается работа дыхательной и сердечно-сосудистой системы. Бывают судороги, расстройства сознания и панические атаки, – объяснил док.

– Ты этим болеешь? – озадаченно спросил у меня Амиров.

– Впервые подобное слышу. До нашего знакомства у меня не было таких симптомов, – ответила ему.

– Раньше могло и не проявляться, – успокоил врач, – Просто сейчас что-то произошло, с чем организм и психика не смогли справиться. Вот и все. Этот синдром обычно не беспокоит, если не провоцировать. Покой, умиротворение и витаминки, – мужчина так нежно мне улыбнулся, что я ответила ему тем же.

– На выход, док, – рявкнул Амиров.

Вот так и прошел наш разговор об интиме. Плодотворненько и информативненько.

Зато сейчас я стою перед зеркалом в гримерке ресторана и чувствую, как приближается этот гипервентиляционный синдром.

Сегодня день нашей свадьбы.

На мероприятие приглашены более тысячи человек. И лишь три знакомых мне лица. Мать, отчим и сам Амиров. Все остальные – деловые партнеры мужа.

Да, мужа. Готовые документы и без посещения ЗАГСа нас уже дожидались в комнате Генриха. А та вакханалия, что будет твориться сегодня, это для всех остальных.

Мое платье и сам праздник по стоимости тянули более чем на тридцать миллионов рублей. Я ни разу не приложила руку к организации свадьбы, выбору декора и собственного платья. Поэтому сейчас расплачиваюсь за неподъемный вес наряда.

– Деточка моя, – мать прорвалась в гримерку и попыталась облобызать мою лицо, – Как давно я тебя не видела. Похорошела-то как, Катюша!

– Ты меня не видела ровно с тех пор, как дала увезти из дома, – холодно уточнила я, – Месяц назад. На счет похорошела – это вряд ли. Ты знала, что у меня гипервентиляционный синдром?

– А что это?

– Да так, ерунда. Забудь.

– Детка моя, Катенька, – мать с завистливым вздохом просканировала бриллианты в ушах и на пальцах, – Как я за тебя рада. Такие шикарные украшения. А ты видела как оформлен зал? Это просто нечто!

– Екатерина Михайловна, – дверь приоткрылась, и внутрь заглянул представитель организатора, – У нас все готово. Можем начинать. Генрих Эдельбертович просил передать вам, чтобы вы ничего не боялись и не переживали.

– Ах, какой мужчина, – экзальтированно воскликнула мать, – Щедрый, заботливый! Хватит нос воротить, Катька. Вот надоест ему твоя вечно недовольная мина и уйдет к другой!

– Скатертью дорожка, – равнодушно ответила.

– Ой, дура, – махнула она рукой, – Ладно, я пошла на наши с Витюшей места. Надо будет позже лично поблагодарить твоего мужа за возврат Витино бизнеса. Ах, как он нам помог! Золотой человек!

Я с плохо скрытой ненавистью посмотрела след этой женщине. Чтобы успокоиться начала разглаживать несуществующие складки на платье.

Пальцы касались прохладных кристаллов, мягко перебирали их сверкающие грани, и на душе становилось спокойнее.

В конце концов, я уже ничего не могу изменить в своей жизни. Сегодня ночью произойдет то, чего я так боюсь и жажду оттянуть. А потом... может, потом жизнь наладится? Ведь по-своему Амиров неплохой человек. С какой-то стороны мягкий и понимающий, неплохой собеседник, не жаден и не глуп.

Может, пора сделать хоть маленький шагок навстречу? Просто, чтобы самой начать легче воспринимать ситуацию, в которую я попала.

Да поможет мне чудо пережить все, что выпало на мою долю. С этими мыслями я вышла из гримерки в коридор, где меня ждал помощник организатора, и мы вместе направились к сцене ресторана. Шоу начинается.

Глава 4

Генрих Эдельбертович галантно подал мне руку, и после того, как моя ладонь оказалась в его, поцеловал. С удивлением обнаружила, что меня не передернуло от отвращения, что было странно.

Обычно я шарахалась от его мимолетных прикосновений, испытывая жгучее чувство брезгливости. Это хорошо. Легче будет делать первый шаг навстречу.

– Улыбнись, Катюша, – ласково попросил Амиров, – У тебя очень красивая улыбка.

Я растянула губы по его просьбе.

– Красивая, – горестно вздохнул он и добавил, – Когда естественная, а не принудительный оскал.

– Извините, – буркнула.

– Извини, а не извините, – поправил он.

– В смысле?

– Не находишь странным, что ты до сих пор обращаешься ко мне на Вы?

– Привычка. Незнакомым людям принято говорить на Вы.

– Отвыкай, Катя. Я тебе уже не незнакомый человек, а муж, – менторски объяснил он, – Будет странно, если молодая жена выкает мужу и даже не поднимает на него глаз.

Я метнула на него взгляд, но промолчала.

– Пойдем, мое золотце, – тяжело вздохнул Амиров и протянул локоть, – И не забудь, пожалуйста, обращаться ко мне просто по имени. Без отчества.

– Хорошо... Генрих, – с трудом, перестраивая себя, произнесла.

– Умница, – он снова поцеловал мою ладонь, нежно погладил дрожащие пальчики и осторожно привлек меня к себе.

Мы были с ним почти одного роста, если бы я сняла каблуки. А так могла любоваться еще сверкающей лысиной. Муж обнимал меня за талию, а сам словно пригрелся на груди, размеренно посапывая и тяжело вздыхая.

В первые секунды я стояла, задержав дыхание. Это уже было наглым нарушением моих личных границ. Хотя от них камня на камне не осталось за последнее время.

– Дыши, Катенька, дыши, – вдруг проговорил Генрих, отстраняясь, – Я тебя не съем.

– Я не вкусная.

– А я думаю наоборот, – он позволил себе беззаботно улыбнуться.

– Нам еще не пора? – решила перевести весьма скользкую тему.

– Да, следует поторопиться, пока гости не заскучали, – он расстроено отвел взгляд и снова подал мне руку.

Мы подошли к плотному занавесу, откуда нам следовало появиться на сцене и замерли, прислушиваясь, как именитый ведущий развлекает гостей и скоро начнет объявлять наш выход.

– Катюш, – заговорил Амиров, – Ты не злишься на меня? Эта свадьба... она много для меня значит. Прости, что забрал тебя из дома без твоего согласия. Я постараюсь, чтобы в нашей жизни это был единственный мрачный прецедент. Слышишь?

– Да. Хорошо.

– Не думай обо мне хуже, чем я есть, – продолжил Генрих, – Я никогда тебя не обижу. Ни в чем не ущемлю. Что захочешь куплю. Просто подари мне в ответ немного своего женского тепла и ласки. Поверь, я горы сверну ради одного твоего нежного взгляда.

У меня в горле намертво встал ком от услышанного. Эти слова были сказаны тихо и без всякого пафоса. В какой-то степени мне даже стало жалко Генриха, просящего у меня тепла и ласки в ответ. Но себя было жалче.

– Хорошо, Генрих, – ответила, прочистив горло, – Я тебя слышала.

– А теперь встречайте! – со сцены раздался веселый голос ведущего, – Счастливые молодожены! Амиров Генрих Эдельбертович и его очаровательная супруга Амирова Екатерина Михайловна!

Муж бросил на меня довольный взгляд и потянул вперед туда, где свет софитов ослеплял, а громкая речь оглушала. Я выпала в прострацию перед тысячью незнакомых людей. Они аплодировали, свистели и всячески выказывали свою радость.

Нас мариновали на сцене еще тридцать минут. Я что-то отвечала, говорила в микрофон и показывала свою наигранную заинтересованность. Генрих же был по-настоящему доволен и упивался вниманием и моей активностью.

Чуть позже нас отпустили за отдельный стол, и праздник продолжился. Выступали известные музыканты, произносили торжественные речи популярные актеры. Я словно попала на премию Муз-ТВ. Сотни репортеров и фотографов ослепляли нас вспышками камер.

К Генриху без конца подходили самые разношерстные люди. От откровенных бандитов, которых явно на время выпустили из камеры, до солидных бизнесменов. Он каждому уделял время и чинно благодарил за внимание. Лишь с одним гостем у него вышел конфликт.

Помню, я пыталась перекусить небольшим куском мяса, наколотым на вилку, как к нам подошел восточный мужчина. Он был средних лет, что-то около сорока, невысок, с плотным телосложением.

Как и все другие, этот подошел вплотную к Амирову, пожал руку и стал о чем-то говорить, хмурия брови. Генрих несколько раз повысил голос, чем привлек внимание своей охраны. Верные помощники Дмитрий и Сергей моментально выросли из-за спины хозяина.

– Касьян, я даю тебе день, чтобы одуматься и принести мне свои извинения, – прогремывал Амиров, стукнув кулаком по столу, – Будет мне еще тут апельсиновая* шушера диктовать свои условия. Пошел вон.

Загоревшее лицо гостя побледнело от охватившей его ярости. Он смотрел на Генриха с такой ненавистью, что мне стало не по себе. Видимо, мое удивленное лицо привлекло внимание Касьяна, поэтому он похабно окинул меня взглядом и подмигнул.

– Хорошую ты невесту себе отхватил, Амиров, – Молодая, горячая. Не боишься за свою женушку? Я бы боялся на твоём месте, – мужика уже вовсе несло.

– Ах ты, паскуда! – взбесился муж, – Пошел вон отсюда, пока тебя при всех не вынесли вперед ногами. А наш вопрос пусть повторно решает сход, если так хочешь. Только правда за мной, косорылый ушлепок. Меня поддержали первые два раза, поддержат и в третий.

– Выбирай выражения, Амиров, – с неприкрытой угрозой в голосе сказал гость, – Ты мне должен, а своего я никому не прощаю. Грустно будет, если брачную ночь ты проведешь один? – он мерзко ухмыльнулся, сделав неприличный жест рукой.

– Я все сказал. Те заводы принадлежат мне. Если у тебя есть какие-либо претензии, созовай воровской сход, апельсин. Как думаешь, долго ты после вскрытия всей правды проживешь? – холодно отрезал Генрих.

– У тебя ничего нет на меня, – Касьян пытался удержать лицо, но было видно, как его скула нервно задергалась.

– Вот и узнаешь, есть или нет, – со змеиным оскалом улыбнулся Амиров, – А пока можешь снять с себя мерки и застолбить столяра по дереву.

– Будь осторожен, Генрих. Я такого обращения к себе не прощаю, – процедил гость.

– Я тоже, – веско ответил муж, – Дмитрий, Сергей, позаботьтесь о нашем апельсиновом друге.

Охрана Амирова безмолвными кобрами метнулась к мужчине, взяли под руки и потащили через весь зал под тысячью взглядов.

Муж сел обратно и виновато посмотрел в мою сторону. Меня же это отчего-то развеселило. Он был таким грозным и... устрашающим, когда ставил на место Касьяна, а сейчас смотрит, как нашкодивший щенок.

– Издержки профессии? – спросила его и улыбнулась.

– Можно сказать и так. Совсем тварь берега попутал. Прости, Катюша, что тебе пришлось стать свидетелем этой некрасивой сцены.

– Ничего. Ты был грозен, как тигр, – вдруг ляпнула я.

– Тигр? – задумался он, – Ты мне льстишь, красавица. Скорее престарелый кабан.

Я же впервые за месяц искренне захихикала под удивленным взглядом Амирова.

В груди лопнула натянутая все это время струна, и мой нервный смех набирал обороты. Я смеялась и плакала одновременно. Не могла остановиться, пока весь страх, печаль и злость не покинули меня вместе с воздухом из легких. Слезы размазывали макияж, но мне было все равно. Вернее, мне становилось легче с каждой покинутой слезой и срывавшимся с губ смешком.

– Ну, ну, красавица, – Амиров гладил меня по голове, прижимал к своему пухлому животу и что-то нежно шептал, успокаивая и убаюкивая в своих объятиях.

Я зачем-то его обняла и вскоре успокоилась.

– Ну, стало легче? – мягко спросил Генрих.

– Стало, – кивнула головой и хлюпнула носом.

– Вот и замечательно, Катюш. Зато теперь мы сможем пойти и посмотреть на твой свадебный подарок.

– Подарок? Мне? – подняла на него заплаканные глаза.

– Конечно, тебе. У меня уже есть подарок – это ты, – он нежно провел рукой по моей щеке и поправил выбившуюся прядку.

– У меня все размазалось на лице, – смутилась.

– Ничего, сейчас все быстро поправят. Даже в таком виде твой макияж лучше, чем тот, в котором я тебя впервые увидел, – по-доброму хохотнул он, – Думаю, я еще долго буду веселиться, вспоминая это. Ишь, учудила.

Я лишь фыркнула на это и попыталась скрыть непрошенную улыбку. Через час все было готово. Ведущий плавно подводил к вручению мужниного подарка, девочки стилисты, собиравшие меня с утра, поправили макияж. И скоро всей гурьбой мы отправились на улицу.

Наша свадьба проходила в какой-то старинной усадьбе за городом, часть которой переоборудовали в роскошный большой ресторан. На улице уже было темно, но специальная площадка, куда нас вывели, была хорошо освещена. В центре, на деревянных помостах, перетянутая обворожительным белым бантом стояла ярко-алая навороченная машина. Мерседес самой последней модели, который еще даже не поступил в продажу официальным дилерам.

Все, как я и заказывала, шутя и ерничая за столом. Рука автоматически потянулась к бриллиантовому колье на моей шее.

– Тебе нравится? – тихо шепнул Генрих, обнимая меня со спины.

– Я даже не знаю, что ответить. Машина бесподобна. Красная... красивая, – заморожено протянула, разглядывая сверкающую красавицу.

– Рад, что угадал, – довольно произнес Амиров, – А ты водить-то умеешь?

– Нет, – растерялась я.

– Ну вот, – шутливо и жалобно протянул Генрих, – А я так хотел, чтобы ты меня прокачала по ночной Москве.

– Я научусь! И прокачу, – сначала было вскинулась, а потом улыбнулась.

– Конечно, научишься, – он притянул меня к себе и невинно чмокнул в щеку, – Ты умная и способная девочка.

В этот момент я чувствовала себя крайне непонятно. Не могу даже объяснить, как металась моя душа от привычной застарелой злости на Амирова, отчима с матерью до какого-то нового восприятия реальности.

И дело было не в машине. Она мне сто лет не сдалась. Дело было в том, что я по-новому увидела Генриха. Вернее, я наконец, трезвым взглядом обратила внимание на то, какой он человек. И нет, я не собираюсь бросаться ему на шею с радостными воплями, не собираюсь прощать или принимать. Я всего лишь сделала первый шаг. Так было проще, чем постоянно держать оборону и точить копья.

*Апельсин – первыми носителями звания «апельсин» были грузинские и азербайджанские «воры в законе». Многие из них покупали себе этот статус за деньги, что противоречило установленному в воровском мире порядку.

Глава 5

– Катенька, ты еще не устала? – спросил Амиров, когда мы кружились в свадебном танце.

На мгновение я даже пожалела, что не интересовалась подготовкой к свадьбе и не изучала этот злосчастный вальс. Наши движения с Генрихом абсолютно не совпадали, хоть он вполне грамотно и уверен вел. Я двигалась в каком-то собственном ритме, не забывая случайно оттоптать ему ноги. Мое привыкшее к спорту и физическим нагрузкам тело сегодня переняло повадки бревна. Ноги не гнулись, руки, как у куклы сгибались под странными углами.

Виной этому были тысяча глаз, устремленные на нас. Мы шли по проходу к сцене, и я ловила на себе сотни завистливых взглядов. Кто-то смотрел неодобрительно, кто-то равнодушно. Становилось не по себе, когда я понимала, что большая часть приглашенных имеет отношение к криминальному миру.

– Катя? – вновь позвал Амиров.

– Есть немного, все-таки мероприятие длится уже шесть часов.

– Нас поймут, если мы исчезнем. Тем более уже полночь, а гости будут гулять еще завтра весь день, но уже без нас.

Я нервно сглотнула. Если мы уйдем сейчас, то брачная ночь вот-вот наступит.

– Знаешь, не сильно-то я и устала, – не смотря ему в глаза, произнесла.

– А вот я уже еле на ногах стою, – признался Генрих, – Поэтому, если ты не против, то я с удовольствием украду тебя с этого праздника.

Я молчала, не зная, что ответить. Против, конечно, против! Но разве кого-то интересует, что я не хочу спать с Амировым? Никого! Всем плевать, что сейчас будет происходить за закрытыми дверями спальни.

Прикрыла глаза и глубоко вдохнула, выдохнула. Тело уже не просто одеревенело от мыслей о первом сексе с Генрихом, а вообще отказывалось двигаться. Господи, пожалуйста, помоги мне избежать этого позорного грехопадения в собственных же глазах. Пусть случится хоть что-нибудь, что отсрочит брачную ночь.

– Катя? Ты вся побледнела, – взволнованно сказал муж, – Как ты себя чувствуешь?

– Ммм... мне нехорошо. Голова разболелась. Сильно, – я придумала это сходу, как только он спросил, и ничуть не жалела о своем вранье. На войне все средства хороши. Чем брачное ложе не поле для битвы?

– Закругляемся, – решительно сказал Амиров и повел меня к столу молодоженов.

Генрих подозвал кого-то из организаторов, шепнул ему на ухо пару слов, и тот убежал, как ошпаренный, говоря что-то в портативную рацию. Муж так же отдал распоряжения охране.

– Куда мы сейчас? – дрожащим голосом спросила его.

– Здесь рядом есть бывшая царская резиденция, которую переделали под закрытый загородный клуб. Я арендовал нам его на несколько дней, – с улыбкой повернулся ко мне Генрих.

– Ммм, с каких это пор бывшие царские резиденции отдают под постройку загородных клубов?

– Ну, милая, нашла что спросить. А с каких пор на выделенной государством земле вместо больниц и школ строят очередные многоквартирные ЖК? – спокойно возразил Амиров.

– Коррупция?

– Именно, она родимая, – он пожал плечами, накидывая на меня легкий полушубок.

Я хмыкнула. Как он легко говорит об этом, хотя сам является представителем тех, кто нарушает закон.

Ведущий к тому моменту уже получил указания от организаторов и сейчас провожал нас на «законный отдых». Все гости стали аплодировать, свистеть и желать «заделать наследника». От их выкриков я краснела, как помидор, а Генрих светился довольством.

Так мы и прошли до парковки, где Амиров со мной сел в одну машину, а его многочисленная сегодня охрана заняла еще пять джипов. Их машины взяли нашу в кольцо и резво стартовали с места.

Меня снова начало лихорадить. Мне было и страшно и противно одновременно. Чем ближе мы приближаемся к резиденции, тем неизбежнее для меня брачная ночь. Глаза были на мокром месте, слезы скапливались уже где-то на подходе, готовые пролиться бурным ручьем в любой момент.

– Ты так дрожишь, Катюша, – тихо и как-то даже печально сказал Генрих, – Неужели так меня боишься?

Я в очередной раз подметила, что он далеко не глупый человек.

И вместо того, чтобы ему хоть что-то ответить, просто отвернулась к окну.

– Я не сделаю тебе больно, – упрямо продолжил он, – Тебе нужно просто расслабиться. Все остальное я сделаю сам, Катюша.

Мне захотелось громко завывать. Нет, завизжать. Не могу представить, что меня будут касаться его руки, губы. Боже, нет, пожалуйста.

– Я не хочу этого, – выпалила, ничуть не скрывая своего отчаяния.

– Я готов во многом идти тебе навстречу, Катя. Но не сегодня и не с этим вопросом. Чем раньше мы это сделаем, тем быстрее ты ко мне привыкнешь, а то и дальше будешь трястись.

– Генрих, – торопливо взяла его за руку, – Давай отложим этот момент хотя бы на недельку? Мне нужно привыкнуть.

– Катенька, две недели назад я ставил тебя перед фактом, – он мягко отстранил мои руки и взял в свои, поднося к губам, – Мы об этом с тобой разговаривали.

– Пожалуйста, не надо, – заплакала я.

Видела, как он дрогнул, как взгляд стал жалостливый и виноватый. Решила надавить и заплакала еще горше и сильнее. Лицо мужа помрачнело, глаза опустились вниз, а ладони сжались в кулаки аж до побелевших пальцев.

– Хватит, Катя, – серьезно произнес, – Прекрати реветь.

Ага, легко сказать, когда уже настроилась.

А тем временем наша кавалькада машин заехала на территорию резиденции. Мы объезжали симпатичную выложенную камнем набережную, небольшие деревянные постройки, освещенные фонарями, пока не затормозили у белоснежного дворца с большим открытым балконом этажом выше. Он запросто мог сойти за площадку для балльных танцев в те времена.

– Здесь очень красиво и уютно, – бросил Амиров, – Думаю, тебе понравится.

Неопределенно повела плечами в ответ на это. Конкретно сейчас мне глубоко все равно на красоту архитектуры.

– Катенька, не обижайся на меня, но так будет правильнее. Поверь, за неделю ничего не изменится. Ты будешь только больше себя накручивать и изводить, а пройдет семь дней, и снова наступит истерика.

Генрих отвернулся от меня к Дмитрию с Сергеем, которые сидели на передних сидениях, и приказал:

– Охрану рассредоточьте по периметру. Пусть проверят всю территорию, а вы останетесь на первом этаже дома.

– Принято, босс, – отчеканили двое из ларца.

– Исполнять. Пойдем, Катюша, – Амиров вышел первым и протянул мне руки, чтобы помочь выйти.

Мое платье, как пробка в бутылке, застряло в машине, и при всем желании у меня не получалось выйти. В итоге Генрих тянул меня на себя, прямо как в детской сказке про репку.

Уже в самом доме он проводил свою испуганную жену до дверей комнаты на втором этаже и тактично произнес:

– Это наши с тобой комнаты. Здесь ты можешь переодеться и освежиться. Я, чтобы тебя не смущать, подойду через час. Приму душ в соседних покоех.

– А..?

– Катенька, – чуть жестче, чем обычно перебил он, – Я вернусь через час, и мы вместе проведем нашу брачную ночь. Это не обсуждается.

– Значит, я напьюсь до полумертвого состояния. И это не обсуждается, – резко ответила, распахнула створку и с силой захлопнула прямо у него перед носом.

Хорошая мысль пришла мне в голову, однако. Напиться до беспамятства и пусть делает со мной, что хочет. Главное, чтобы было чем!

Прежде чем освободиться от тяжелого платья, я обежала комнаты и с радостным визгом обняла мини-бар. По размеру он был, как обычный домашний холодильник, только немного ниже.

И чего здесь только не было! Приличный ассортимент вин, коньяка, водки. Закуски и фрукты с десертами. Сырная и колбасная нарезки, овощное ассорти. Но это меня мало интересовало. Руки сами тянулись к темной стеклянной бутылке с черной этикеткой Jack Daniel's. То, что надо для быстрой отключки.

Я очень мало пила в своей жизни алкоголь, поэтому была уверена, что если влить в себя залпом половину бутылки, то нужный эффект не заставит ждать.

– Ну-с, за незабываемую брачную ночь, Генрих Эдельбертович, – протянула и чокнулась в воздухе бутылкой с невидимым собеседником.

Чем больше я пила, тем жарче мне становилось. Адское пойло с омерзительным вкусом раскаленной лавой текло по горлу, спускаясь в пищевод и желудок. Я пила залпом прямо из бутылки, делая паузы, чтобы глубоко отдышаться и сдерживать тошноту. Не представляю, как это можно пить добровольно без цели уйти в астрал.

Но Jack Daniel's в отличии от меня знал, что нужно делать. Игнорируя всяческую закуску, я упорно пыталась допить виски. С каждым новым жадным глотком в голове приятно тяжелело, а глаза начинали слать друг другу приветы.

Допив последнюю каплю, я неприлично икнула и отбросила бутылку на ковер. Кажется, я что-то хотела сделать? Мысли пытались собраться в кучку, но несмотря на все усилия, они расплзались в разные стороны.

Неустойчиво переставляя ноги, побрела в одну из своих комнат. Зачем и куда мне идти? Голова пьяно опускалась на грудь, пока я случайно не споткнулась о внезапно появившуюся на моем пути кровать.

Глупо хихикнула, щупая пальцами мягкую ткань покрывала. Мне было очень-очень плохо и хорошо одновременно. Мозги окутал вязкий туман

Откуда-то издалека доносились звуки возни и бьющегося стекла. Недовольно шикнула в ту сторону. Мешают мне, ишь, наблюдать за куролесящей люстрой на потолке. Богемное чешское стекло озорно сверкало своими гранями, когда нарушители моей нирваны стали издавать характерные звуки борьбы, к которым чуть позже присоединилась автоматная очередь. Этот звонкий сухой треск набатом разорвался в голове. Кто-то кричал, кто-то топал по лестнице, а я все продолжала безуспешно фокусировать взгляд.

– Па...па... потише пжласта, – простонала.

– Быстро! Быстро! Быстро! – из коридора доносились разъяренные крики с восточным акцентом и звуки одиночных выстрелов, – Девку брать живой! На колени, сука!

Где-то рядом с пинка открывались двери. Я приподнялась на локти, выжидательно, уставившись на проем. Ко мне кто-то должен был прийти! И почему он опаздывает?! Муж? Где его черти носят и почему он мне задолжал супружеский...ик...долг?! Непорядок. Надо бы стрясти должок.

Под звуки выстрелов, матерные крики, как в тумане поднялась и пошла до двери. Стоило мне ее распахнуть, а заодно и повиснуть на ней, как абсолютно черная фигура схватила мое шатающееся тело.

От того, чья рука вцепилась мне в волосы, едко разило потом. Ладонь в черной перчатке уверено приставила к моему виски холодное дуло.

– Рыпнешься – пристрелю, – едва говоря по-русски, прошипел он, – Пошла, пьянь.

– Поттишшшше, – застонала я, получив увесистый пинок в спину.

– Рамзан, Ахмет, Гора, – крикнули слева, – У вас чисто?

– Да.

– Самвел, Ишит, Ара?

– Всех убрали.

– Амиров?

– Ранен. До утра сдохнет от потери крови. Добить?

– Нет! Пусть страдает мразь. Если выживет, мы ему новый сюрприз приподнесем, – кто-то как следует встряхнул меня за шкурку, показывая другим, – Мы унизим его так, что даже последняя шавка побрезгует с ним говорить. Растопчем его имя и репутацию.

– С девкой что делать? – за волосы больно дернули, поднимая мне голову.

Перед глазами все расплывалось, но из последних сил я умудрялась разглядеть на полу окровавленные тела, разгромленную мебель. Где-то у моих ног лежал Сергей с аккуратной дырочкой во лбу. Он смотрел стеклянным взглядом вверх.

– Сними с нее всю эту лабуду, – раздался грозный приказ, – Поедет голой.

– Эээ! – я пьяно замахнулась.

– Молчать, – лицо с силой сдавила чья-то ладонь.

Со спины подошли двое и резко дернули платье по швам. На пол тут же искрящимся дождем посыпались кристаллы и драгоценные камни.

– Так намного красивее, – похабно засмеялся нерусский голос над ухом, – А то слишком много лишней ткани. А естественная красота-то вот она! – все тот же урод шлепнул меня по обнаженной ягодице. Вместе с платьем куда-то девалось и белье.

– Что... происходит? – мой мозг еще не понимал всего происходящего, но тело уже стремилось закрыться и спрятаться от чужих липких взглядов.

– Протрезвеешь, шалава, поймешь. В машину ее.

Черные с ног до головы фигуры подхватили меня под руки и поволокли голую на улицу. Я чувствовала, как моя диадема съехала набекрень, бриллиантовое кольцо держалось на честном слове, а сережек в ушах уже не было.

Ступни без обуви обожгло холодом на еще нарастающем снегу. Тело дрожало, зубы стучали.

Меня грубо затолкали на пол между сидениями в машине. Когда я стала возмущаться и требовать вести себя прилично, то мужчина в черном спортивном костюме и балаклаве со всей силы приложил меня о дверцу автомобиля.

Этого удара хватило, чтобы отравленный алкоголем мозг ушел на перезагрузку.

Глава 6

– Молодцы, парни, – в голову гулким звоном ворвалась чья-то речь, – Заслужили премию, пока свободны. Отдыхайте. Будут новости про Амирова, наберу вам.

– Спасибо, Касьян.

Раздался звук топающих ног, хлопнули двери и наступила благодатная тишина. Моя голова раскалывалась так, как никогда в жизни. Любое движение, даже попытки открыть глаза, приносили адские вспышки боли и тошноты.

Тело, впервые познавшее жесточайшее похмелье, пребывало в стрессе. Все конечности ломило, желудок сжимался. Во рту бушевала пустыня, в которой нашли приют сотни кошек. Мерзкий привкус на сухом шершавом языке был противен самой себе.

– Очнулась? – рывкнули над ухом, заставляя меня болезненно застонать.

– Ммм...пи-и-и-ть, – это все, на что я была способна. Даже глаз не открывала.

– Не думал, что Амиров женится на пьянчужке, – обидно ухмыльнулся некто, – Вставай, чего разлеглась! Не в гостях.

Мужчина наклонился ко мне. Я это почувствовала по легкому ветерку и усилившемуся запаху пота, от которого едва не стошнило. Приоткрыла глаза и тут же закрыла. На меня с озлобленной гримасой смотрел тот неуравновешенный гость со свадьбы. Касьян вроде. Да, точно.

– Поднимайся, – в живот прилетел несильный пинок, – Ты слышишь, что я говорю?

Хотела послать этого хама куда подальше, но инстинкт самосохранения заставил промолчать и начать подниматься. Я лежала обнаженной на холодной полу, и каждое движение давалось с трудом. Дрожь в руках и ногах не позволяла даже прикрыться и отвернуться от мужчины.

– Хочу, чтобы ты знала, здесь с тобой никто церемониться не будет, – закричал Касьян.

Схватил меня за горло и резко дернул вверх.

– Отпусти-и-и, – прохрипела, едва удерживаясь на подгибающихся ногах.

– Как там тебя зовут? Катя? Так вот не зли меня, Катя, – мужчина приблизил ко мне перекошенное от злости лицо, опаяя несвежим дыханием, и скривился, – Ну ты и напилась. Несет как от запойной алкоголички.

– Где я? Почему я здесь?

– А про мужа своего не хочешь спросить?

– Где Генрих? Что с ним? – в памяти всплывали какие-то обрывки картин, но это все мало походило на правду.

– Ждем новостей по твоему Генриху. Если выживет – горько пожалеет. Если умрет, то ты пожалеешь, – с хищным блеском в глазах протянул мужчина. Изучающее и жадно оглядел мое обнаженное неприкрытое тело, – Не успел старичок порезвиться? Или оприходовал пьяную кобылку?

Меня начало мутить не столько из-за алкоголя, сколько из-за близости Касьяна.

– Объясните, почему я здесь и что происходит, – постаралась сделать голос трезвым.

– Ты здесь потому, что мне нужен рычаг давления на Амирова.

– Вы думаете, он заплатит за меня выкуп?

– Мне не нужны деньги Амирова, – отрезал Касьян, – Мне нужна месть.

– А я здесь причем? – всхлипнула от ужаса, так как прекрасно понимала, о каком рычаге давления идет речь. И к сожалению, в главной роли буду я.

– Муж и жена – одна сатана, – усмехнулся, – Так говорится в вашей пословице? Будешь расплачиваться за грехи своего супруга.

Касьян игриво подмигнул и больно шлепнул по моей ягодице. Дернулась в железной хватке, но пальцы еще сильнее сдавили горло. Вторая рука пошла свободно гулять по груди, сжимая и выкручивая соски, скользя по животу вниз и раздвигая ноги.

– Отпустите меня. Я ничего не знаю о ваших делах, – еще раз дернулась, сводя ноги так, чтобы его лапища никуда не проникла.

– Это не имеет значения, знаешь ты что-то о наших делах или нет, – пропыхтел мужчина, стараясь коленом раздвинуть мои бедра, – Ну же, красавица, обслужила своего старого мужа, так ублажи и меня. Со мной то поприятнее будет, чем со стариком, – похабно хохотнул Касьян.

– Не трогай меня, чудовище! – выкрикнула и оттолкнула его со всех сил.

Касьян, не ожидавший такого отпора, покачнулся и чуть не завалился назад. Быстро восстановил равновесие и снова приблизился, замахиваясь рукой. Удар получился сильный. Шум в ушах нарастал по спирали, пока цветные точки отплясывали танго перед глазами. Я рухнула на колени, больно ударившись о плитку пола, но была схвачена за волосы. В такой позе он поволок меня вглубь дома, заставляя ползти на коленях и руках. Мучившее меня похмелье, словно понимало, что оно не к месту и старалось сильно сейчас не давать о себе знать.

Касьян подгонял меня пинками, дергал за волосы и кричал что-то на своем языке, изредка бросая русские слова.

– Сучка неверная... будешь полировать... у всех... Амиров умоется... слезами... как тебя имеют все, кто заплатит, – это то, что я смогла расслышать и ужаснуться.

Мужчина открыл ключом простенькую дверь в конце коридора и грубо толкнул мое тело внутрь.

– Посидишь пока здесь, – рывкнул и так шарахнул дверью об косяк, что я съежилась от страха.

Снаружи послышался звук проворачиваемого ключа и удаляющиеся шаги.

Оглянувшись, поняла, что в полной темноте ничего не вижу и не понимаю, где оказалась. Нашупала рукой стену, поднялась на ноги и кое-как поползла вдоль надежной опоры. Спустя время, когда глаза привыкли к тьме, сделала выводы, что комната небольшая. Маленький шкаф, стол, кресло и кровать. Больше здесь ничего не было. Ни выключателей на стене, ни окон, ни туалета. В последнее место я бы с удовольствием сходила.

В душе медленно, но верно нарастала паника. Я вспоминала, что происходило в доме Генриха Эдельбертовича. Пока алкоголь катал меня на своих аттракционах, в доме совершалось нападение. Точно помню, что Сергей убит выстрелом в голову, остальная охрана Амирова лежала на полу и так же смотрела вверх стеклянными взглядами. Автоматные очереди, устрашающие крики и звуки борьбы. Все это было по-настоящему!

И что сейчас с Генрихом?! Почему Касьян говорит «если выживет»?! Чем больше вопросов у меня появлялось, тем страшнее становилось. Я попала в ловушку, где стану либо разменной монетой, за которую заплатят, либо девочкой «для битья и мести». В любом случае, мне не позавидуешь.

Прошло уже, наверно, больше десяти часов, с момента, как меня посадили под замок. Какое-то время я спала, потом снова ходила вдоль стен, стучала в дверь и кричала, чтобы выпустили. Голова частично прошла и больше не мучила меня, но адски хотелось пить и в туалет.

На крики никто не реагировал, и даже шагов не было слышно.

– Как долго мне еще здесь сидеть? – стучала кулаками в дверь, – Выпустите! Помогите!

Я билась, пока не охрипла, но все безрезультатно. В какой-то момент даже начала пробовать выбить дверь плечом. Раз, удар и я отлетела снова на пол. Еще попытка. Еще и еще. Однако дверь, как стояла, так и осталась на месте, в отличии от моего гудящего плеча, бока и бедра. Скоро мне пришлось оставить эти попытки, так как вдалеке слышала рассерженные голоса мужчин.

Они говорили на своем языке и о чем-то бурно спорили, двигаясь по коридору в мою сторону.

– Хэй! Мне нужно в туалет! – забарабанила в дверь, – Срочно!

С той стороны кто-то рассмеялся и застучал кулаком в ответ, словно издеваясь.

– Придурки, – со слезами на глазах проговорила. Очень уж сильно мне хотелось в дамскую комнату, – Позовите Касьяна! Мне нужно с ним поговорить!

Восточный гогот усилился.

– Он сам к тебе придет через пару часов, – с той стороны все-таки соизволили ответить, – Амиров твой тю-тю, так что теперь, сука, молись, чтобы Касьян подольше к тебе шел.

– Почему?

– У него на тебя весьма денежные планы. Продаст кому-нибудь из тех, кто ненавидел Амирова, – двое мужчин из-за двери снова хохотнули, будто сказали что-то смешное, и удалились по коридору в обратную сторону.

– В смысле продаст..? – от ужаса губы не слушались меня.

В сердце снова что-то кольнуло, заставляя схватиться за грудь и глубоко вдыхать. Господи, что происходит? Почему из-за этого брака на мою голову так и сыплются неприятности? Хотя «неприятности» это не подходящее ситуации слово. Катастрофа? Конец света? Вот это ближе к истине.

Перед глазами мелькнуло улыбающееся лицо Лешки. Увижу ли я тебя когда-нибудь еще? Стало так больно от безысходности и отчаяния. Неужели, совсем никто не в силах мне помочь?

Может, мать с отчимом узнают о случившемся и смогут вызволить меня? Обратятся в полицию или к более высокопоставленным людям. Сейчас же не каменный век, не средневековье. Людей нельзя просто так продавать, как скот.

Не знаю, сколько я просидела в кресле, кутая обнаженное тело в плед, взятый с кровати, но вскоре удалось задремать. Мои внутренние часы подсказывали, что проспала я много. Все тело затекло от неудобной позы в кресле, скрюченную шею ломило так, что проще было вообще не двигать головой, чем попытаться выпрямиться.

– Ну и как, выпалась? – внезапно с кровати раздался насмешливый голос.

Я вздрогнула. Не сразу заметила, что в комнате горит приглушенный свет, а на кровати среди подушек разлегся в одежде Касьян. Он смотрел в телефон, попивая из чашки ароматный кофе. Этот запах буквально ворвался в мое сознание, намекая, что я хочу пить и еще кое-куда.

– Мне нужно в туалет, – хрипло попросила.

– Эльчин, – громко крикнул мой надзиратель.

Из-за двери тут же появилась косматая заросшая голова.

– Проводи Катю до туалета. Не забудь умыться, а то похожа на пугало, – бросил мне Касьян.

Кое-как встала с кресла, закуталась плотнее в плед и вышла за Эльчином. Он отвел меня почти в соседнюю комнату по коридору, открыл дверь и следом запер ее снаружи. Сделав все, что так хотела, подошла к раковине и взглянула на себя в зеркало. Тут же отшатнулась. Еще никогда не выглядела столь ужасно и печально. Размазанная и засохшая на лице косметика, всклоченные волосы, желтоватый фингал на щеке, а также небольшие синяки по всему телу. Разбитые коленки, засохшая струйка крови на лбу. От одного вида замутило.

Решила, что пять минут меня уж подождут, поэтому залезла под прохладный душ, смывая кровь. Освежающая вода немного отвлекала от насущных проблем. Мучившую меня жажду утолила тут же, жадно заглатывая сырую воду.

– Ты там долго еще? – недовольно спросил Эльчин из-за двери.

– Минуту. Есть во что одеться? Хоть рубашку какую-нибудь.

– Тебе не понадобится одежда. Выходи.

От услышанного затрясло еще сильнее. Почему я не могу, как вода, улизнуть отсюда? С сожалением смотрела на утекающие капли и едва не плакала. Не хочу выходить наружу. Там меня ждет что-то очень плохое. Чувствую, знаю это.

Вытерлась висющим полотенцем, закуталась обратно в теплый плед и вышла из ванны.

– Ну, наконец-то, – буркнул мужчина, – Думал, ты там утопиться решила.

– Неплохая идея, но нет.

– Иди давай, – он пнул меня в спину и вернул обратно в комнату к Касьяну, встав за дверью.

– Совсем другой вид, – сощурился мужчина на кровати, – Сколько тебе лет? Выглядишь на пятнадцать-шестнадцать.

– Восемнадцать, – я предпочла забраться с ногами в кресло и укрыть каждый миллиметр кожи пледом.

– Это хорошо, – задумался Касьян, – Девственница?

От вопроса я покраснела. Какое ему дело?!

– Не молчи, Катя, и не заставляй меня проверять это собственноручно, – нахмурился, сведя густые брови в одну.

– Да.

– Вай, как повезло, – цокнул языком и расплылся в довольной улыбке.

– Вы отпустите меня? Что с Генрихом? Расскажите мне, – взмолилась, с отчаянием сдерживая слезы.

– А ты еще разве не поняла? Сдох Амиров, а ты теперь мой маленький трофей, который я хочу продать за огромные деньги.

– Умер?! Но..., – эта новость меня выбила из колеи. По голове словно ударили кувалдой. Что ни говори, но за это время я слегка успела привыкнуть к нему. Да и чисто по-человечески было жалко. Смерти я ему не желала это точно.

– Не умер, а сдох. И многие мне еще спасибо скажут, что очистил землю от этой двуличной сволочи, – прошипел Касьян, подпрыгивая с кровати.

– Если он умер, то зачем вам я? Отпустите меня!

– А это уже моя личная прихоть. Растоптать и уничтожить то, что было так дорого Амирову. Его молодую женушку, от которой у него на старости лет поехала крыша.

Касьян злился и не скрывал этого. Я только боялась, что он сейчас начнет срывать на мне свою ярость.

– За меня может заплатить отчим..., – робко начала предлагать альтернативу. Вряд ли отчим расстанется с крупной суммой ради меня.

– Мне не нужны грязные деньги, – отрезал, – Уже сегодня у тебя будет новый хозяин.

– В смысле?

– В прямом, – нехорошо сощурился мужчина, – Амиров много кому успел испортить жизнь. У него врагов больше, чем у Гитлера. Думаешь, никто не захочет поглумиться над его молоденькой женушкой?! Мне за тебя заплатят миллионы сегодня, лишь бы заполучить и отыгаться за все, что Генрих сделал.

– Нет... нет...

Это не укладывалось в моей голове. Что мог сделать этот пожилой толстячок такого, что у него столько врагов? И почему отыгрываться нужно на мне?! Что за жестокие повадки зверей?

– Касьян, пожалуйста, не делай этого. Мы же люди и должны все решать по-людски, а не как звери...

– Поверь, Катя, Амирову когда-то так же говорили, – отрезал мужчина, – У тебя есть пара часов на сон, а потом прокатимся в одно заведение.

– Можно мне хоть какую-нибудь одежду?

– Нет. Она тебе не пригодится. На аукционах товар оценивают, как он есть, без всякой мишуры, – зло оскалился и ухмыльнулся.

– Аукционах..? – в голове бил самый настоящий набат.

– Да, уже пятнадцать человек, пожелавших купить себе игрушку. Будет весело, Катя.

Касьян, до этого зависший надо мной, резко отстранился и вышел из комнаты.

У меня закружилась голова от всего услышанного. Истеричные слезы ручьем полились из глаз. Это не может быть правдой! Такого не существует в природе! Человеческие аукционы? Это пережиток прошлого!

Я успокаивала себя и ждала, что будет дальше. Касьян пошутил... пугал специально. Но реальность очень скоро показала мне, что мужчина говорил правду. Не обманул и не сгустил краски.

Глава 7

– Отпусти-и-и-и, – мой крик эхом разносился сначала по дому, потом в машине, – Помогите!

– Дурная девка, тебе никто не поможет. Смирись, – добродушно сказал Касьян, наблюдая, как упирающуюся меня заталкивают в авто, – Не заставляй добропорядочных людей нас ждать.

– Шакалы вы все, а не добропорядочные люди, – проорала я, пока меня снова не заткнули огромной косматой лапищей.

– На первый раз прощу, на второй – умоешься собственной кровью. Я понятно говорю? – приблизился ко мне Касьян.

– Отвали! – рыкнула в его сторону и моментально схлопотала затрещину, от которой больно клацнули зубы друг об друга.

Остаток пути в машине провела молча, лишь следя за дорогой. Мы доехали до МКАДа, спустились на юг и рванули по вечернему шоссе в область.

По пробкам ехали долго и далеко, пока четыре машины нашего сопровождения не остановились перед воротами загородного комплекса. Охранник, вооруженный не хуже омоновца, тщательно осмотрел каждый автомобиль, посветил фонариком и сверил документы Касьяна с имеющимся при нем списком.

– Проезжайте, – процедил он и пропустил нас внутрь.

– Что это за место? – я дрожала, как осиновый лист на ветру.

Голое тело, ничем не прикрытое, все никак не могло согреться. Я отбивала зубами чечетку, понимая, что дело не в температуре, а в сильном стрессе. Было очень страшно и неуютно. Особенно, когда с двух сторон сидели мускулистые амбалы. Стоило мне вздохнуть чуть громче или пошевелиться, как они сверлили меня взглядами, пытаюсь рассмотреть спрятанную руками грудь.

Я не успевала следить за развитием событий, так как все происходило крайне быстро. Вот мы остановились возле четырехэтажного особняка, сопровождение, как горох из банки, выскочили на улицу и заняли только им известные позиции. Получалось, что они выстроились полукругом, заслоняя меня и Касьяна от внешней угрозы.

– Пойдем, Катя. Осталось чуть-чуть и все закончится.

– Для меня все только начнется, – горько усмехнулась, вылезая из машины.

Как ни старалась прикрываться со всех сторон, но моя попа и перед были выставлены на всеобщее обозрение. А эта сволочь еще и руки мои одернул, намекая, чтобы не смела закрываться от жадных похотливых взглядов.

Сопровождение дружно тронулось, приобретая форму клина, замыкавшегося позади нас.

– К чему такая охрана? – не сдержалась и спросила.

– К тому, что я не хочу рисковать минимум двадцатью миллионами, – спокойно ответил Касьян.

– Э-э-эм-м... и нашлось пятнадцать дураков, готовых выложить такие деньги?! – истерично рассмеялась.

– Уже восемнадцать, – серьезно подтвердил, – Сейчас тебя осмотрит врач. Если ты действительно не была еще с мужчиной, то сумма возрастет.

– Прошу тебя... пожалуйста, не продавай меня. Мой отчим заплатит тебе столько, сколько скажешь, – мне было важно, чтобы Касьян хотя бы обратился к ним, дал знать, что происходит. Может, они смогут мне помочь. Мать надавит на Виктора, убедит, что меня можно еще раз перепродать, отбив затраченные деньги.

– Не заплатит, Катя, – даже с каким-то садистским удовольствием покачал головой, – Твои родные в курсе, что Амиров подох, а тебя забрали в счет уплаты долгов. Они согласились.

– Ты врешь, – выкрикнула ему в спину, – Врешь! Я не верю тебе!

– У тебя и выбора-то нет.

Тем временем мы зашли в холл особняка, где нас встретили серьезные мужчины в костюмах. Они ловко распределили охрану, взяли нас под конвой и повели на третий этаж.

– Проходите. Аркадий Семенович вас ждет, – перед нами распахнули дверь, запуская внутрь.

Роскошный кабинет, всюду красное дерево и дорогая мебель с техникой. А посреди этого великолепия мужчина лет пятидесяти в белом медицинском халате.

– Мы уж вас заждались. Доброй ночи, господа, – поприветствовал он, протягивая руку Касьяну, – Что же, не будем терять время и сразу приступим. Прошу за мной, – это он бросил мне через плечо.

Врач удалялся за еще одну дверь, пока я стояла и пыталась собраться с мыслями. Чувствительный пинок помог прийти в чувство и быстро засеменить за местным эскулапом.

– Ну-с, приступим к осмотру, – хищно протянул он, когда мы остались одни за закрытой дверью. Здесь был оборудован настоящий медицинский кабинет.

Эта сволочь осмотрел меня со всех возможных сторон. Как племенной кобыле проверил зубы, волосы, кожный покров. От его взгляда не укрылся ни один миллиметр тела. Мужчина крутил меня, наклонял и сгибал, как ему было удобно. За малейшую попытку послушаться применял грубую силу и легко добивался того, чего хотел.

Настойчивые руки в перчатках щупали грудь, теребя соски, раздвигали ягодицы, трогали анус, проверяя мою реакцию. Не обошли стороной и половые губы. Врач толкнул меня назад и заставил сесть в гинекологическое кресло. Через минуту он довольно крякнул и просветлел лицом.

– Надо же, не соврали. Действительно еще ни с кем не трахалась.

– Я нахожусь здесь по ошибке, – с отчаянием заговорила, – Помогите мне, пожалуйста. Дайте позвонить по вашему телефону?

В этот момент я готова была звонить кому угодно, лишь бы помогли, лишь бы остановили этот сюрреалистический фарс. Лешке в Англию, матери, напрямую в полицию. Да хоть президенту, если бы знала его номер. Было стыдно и очень-очень мерзко.

– Помолчи и не отвлекай меня, – холодно попросил врач, быстро-быстро заполняя анкету, – Готово, пойдем.

Он вывел меня обратно, где переминался довольный Касьян.

– Хорошие новости, – бросил эскулап, – Девственница с отменным здоровьем. Молодая и выносливая кобылка.

– Я же говорил, – довольно кивнул Касьян.

– Сам понимаешь, в таких делах нужно проверять самому, – возразил Аркадий Семенович, – Не вижу смысла больше задерживать начало. Уже все собрались и ждут только моей отмашки. Касьян, у нас с тобой все в силе? Десять процентов мои?

– Вай, обижаешь, дорогой друг! Я держу слово, – притворно оскорбился мой мучитель, – Давай начнем? Нет сил уже терпеть!

– Пожалуйста... не надо..., – сквозь выступившие слезы протянула, – Я ни в чем не виновата... почему я должна расплачиваться за чужие грехи?!

– Мир в целом суров и несправедлив, – хохотнул врач, – Особенно к таким молодым телочкам, стремящимся за чужим богатством.

– Это не про меня! – закричала и забилась в истерику. Связь с реальностью медленно терялась, выпуская наружу дремавшую до этого тигрицу.

Я выворачивалась разъяренной кошкой, кусалась, билась и царапалась, лишь бы задеть большее обидчиков. И мне это удавалось. У двоих было располощено лицо, разбиты носы, из которых капала кровь на рубашку и халат. Я визжала и кричала, стараясь прорваться к двери.

Кидалась в мужчин тяжелыми бронзовым подставками, графином, пепельницей. Всячески не подпускала к себе, пока не заметила на стене висящую саблю на деревянной подставке. Лихо подпрыгнула, ухватила за рукоять и по-звериному обернулась на мужчин. Это была не я. Это незнакомая мне дьяволица, вышедшая наружу, чтобы задорого продать наши жизни. Мы с ней были готовы убивать. Хотели пустить кровь этим скотам, лишь бы убежать отсюда.

– Тихо-тихо-тихо, – засюсюкал врач, зачем-то шаря по карманам, а после по-крабьи двигаясь к столу, – Хорошая девочка... положи оружие, пока не поранилась?

– Катя, это уже не смешно, – хмыкнул Касьян. Его это все веселило. Даже шатающийся передний зуб, которым он угрожающе цыкал в мою сторону.

– Не подходите. Убью, – кратко сказала, уверенная в своих словах.

– Живой ты отсюда не выйдешь, если нас убьешь, – Касьян отвлекал мое внимание, и медленно приближаясь, пока докторишка что-то вытаскивал из ящика стола.

– Отойди, – раздраженно приказал эскулап.

Касьян метнулся в сторону, а я услышала два тихих хлопка, после чего в тело с острой болью вонзились две ампулы.

– Что это?

– Легкий наркотик моментального действия, – зло бросил Аркадий Семенович, – Будет в неадеквате, но это лучше, чем сейчас было. На такую дикую кошку еще и покупатель не найдется!

– Тогда хватит медлить! – рявкнул Касьян, взял мое оседающее на пол тело и потащил на четвертый этаж.

Кажется, я сама передвигала ноги и шла. Мир резко приобрел яркие краски, а после тут же потух. Звуки доносились до меня, будто из-под толщи воды. Собственные движения казались адски замедленными, а конечности свинцовыми.

Осоловевшим взглядом водила по сторонам, пока не сфокусировалась на незнакомых лицах. Передо мной сидело десятка два хмурых мужчин. Увидев меня, они что-то закричали со своих мест.

– Что за подстава?

– И это невеста Амирова?!

– Жена?!

– Да на какой помойке вы ее нашли?!

– Что происходит?

Шум и гам удалось быстро погасить, когда за моей спиной встал разозленный Касьян и спокойный доктор. Ведущий этого незаконного мероприятия взял слово, открывая вечер. Он долго распинался перед собравшимися, перечисляя мои характеристики и некоторые факты физиологии.

Аркадий Семенович крутил меня во все стороны, показывая «товар» лицом. Когда в этом отпала необходимость, он позволил мне опуститься на колени. Я не испытывала в тот момент ни грамма стыда, забыв, что я голая, униженная. Мне было... никак. Абсолютно все равно на происходящее. Это все не касалось меня. Спустя двадцать минут я начала лучше видеть собравшихся мужчин.

Их было... восемнадцать. Все сидели за отдельными столиками, потягивали алкоголь, а кто-то курил. Самых разных возрастов. От двадцати пяти на вид до шестидесяти. Русские и восточные. Хмурые, агрессивные и похабно скалящиеся.

– Подводя итог, повторюсь: сегодняшнему лоту восемнадцать лет, девственница и официальная жена почившего господина Амирова Генриха Эдельбертовича. Вы все здесь собрались ради возможности отомстить и потешить свое эго. Учитывая характера лота, вы как следует порезвитесь. Так сколько вы готовы за это заплатить? Начальная ставка десять миллионов рублей. Кто...

- Одиннадцать!
- Двенадцать!
- Четырнадцать!

Со всех сторон раздавались крики, сдобренные пошлыми комментариями. Участники аукциона обращались друг к другу, хохмили, что им стоит объединиться и совместными усилиями побить ставки других.

Я безразлично переводила взгляд с одного на другого. Где-то внутри меня бесновалась та дьяволица. Фурия, разрывающая этих недомужиков на мелкие кусочки, но снаружи ни один мускул не дрогнул на моем лице.

Мне были противны абсолютно все из присутствующих. Мерзкие рожи, гнилые души с озлобленными глазами. Что я им сделала? Что? Я ни коим образом не причастна к тому, чем им насолил Амиров. Но вместо него сейчас я стою на коленях, ожидая финального приговора.

– Двадцать шесть миллионов! – в запале кричал какой-то старик, – Забирай деньги хоть сейчас и отдай мне эту пигалицу. Она отработает каждый рубль в моей постели!

– Тридцать! – с конца зала донесся голос с сильным восточным акцентом.

– Тридцать миллионов, раз, – холодно начал отсчет аукционист, – Тридц...

– Тридцать пять!

– Алик, ты готов потратить такие деньжищи за эту драную девку? – кто-то аж возмутился в зале, – Она и десятой доли не стоит.

– Заткнись.

В этом вихре звуков я отстраненно наблюдала за мужчинами. Раскрасневшиеся, взмокшие, потные. Мне не дано было понять, зачем платить такие деньги за человека, которого собирался уничтожить и растоптать. Это особая форма извращения?

– Пятьдесят миллионов, – это прозвучало, как удар хлыстом по всем присутствующим, включая меня.

В зале повисла гробовая тишина. Я шумно сглотнула, впервые отреагировав на чей-то голос. Он был властным и режущим без ножа. Проникал в голову, разгоняя наркотический туман.

– Вы уверены, господин Алмазов? – чуть дрогнувшим голосом спросил аукционист.

– А я похож на того, кто сомневается? – из приглушенной темноты зала на невысокий помост, где я сидела на коленях, вышел мужчина.

– Что вы, Тигран Григорьевич!

Потенциальный покупатель встал передо мной, уничижительно смотря сверху вниз, и приподнял голову за подбородок.

Он был... странным..? Высокий брюнет с европейской внешностью. Одет в дорогие джинсы, полувер и пиджак. Чуть заросшее лицо, глаза, полные ненависти и боли. В движениях абсолютная уверенность в себе и задуманном. И это пугало, черт возьми.

Таким взглядом смотрят террористы-смертники, решившие идти до конца. И я боялась этого «конца».

– Пятьдесят миллионов, раз, – прочистил горло ведущий, – Пятьдесят миллионов, два... Пятьдесят миллионов, три! Продано!

Толпа в зале рассерженно загудела.

– Надеюсь, за эту сумму я смог купить успокоение своей больной души. Ты пройдешь через все то, что пришлось вытерпеть моей сестре по воле твоего мужа-ублюдка, – стальным голосом, глядя мне в глаза, произнес Алмазов.

– Я ни в чем не виновата, – равнодушно произнесла, не отводя от него глаз, – Хочешь мести? Так будь мужиком и мсти Амирову, а не беззащитной девчонке, которая сама оказалась жертвой.

Лицо Алмазова болезненно дернулось, а рука сжала мои скулы до боли.

– Ты будешь наказана за каждое лишнее слово. Ошейник! – приказал он аукционисту.

В его требовательно выставленную ладонь лег кожаный ремень. Алмазов надел его мне на шею и сильно затянул, дергая на себя.

– Поздравляем с приятной покупкой, – Касьян растянул губы в счастливой улыбке, – Надеюсь, она прослужит вам долго.

– Не дольше, чем потребуется, – коротко бросил мой покупатель, – Деньги переведены на счет организатора торгов.

– С вами приятно иметь дело, господин Алмазов! – восхитился Касьян и помахал мне рукой на прощание.

Поводок на ошейнике болезненно дернулся, заставляя меня сойти с помоста. Я безропотно шла за широкой мужской спиной, чувствуя, как нас провожают завистливыми и ядовитыми взглядами. В коридоре охрана Алмазова взяла нас в круг, выводя на улицу к припаркованным машинам.

Мне не было холодно. Я ничего не чувствовала. И в какой-то степени горько сожалела, что действие наркотика по-любому когда-нибудь закончится.

Алмазову открыли заднюю дверь черного джипа. Он сел на сидение и замер, глядя вперед. Через пару секунд очнулся и с ненавистью посмотрел на меня, которая босыми ногами стояла на снегу.

– Чего встала? Особое приглашение ждешь? – дернул цепь поводка, отчего я чуть не упала.

Быстро сообразила залезть внутрь. За мной захлопнули дверь, к которой я прижалась, стараясь выдержать между нами расстояние.

– Не-ет, – гадко усмехнувшись, протянул он, – Это тебе не поможет. Знаешь, *что* они делали с моей сестрой по наводке твоего мужа? – его уверенный голос срывался на злое шипение.

Рука мужчины потянулась к собственному ремню на джинсах. Быстрым движением расстегнул молнию, приспустил штаны с трусами и вытащил наружу наполовину возбужденный член.

– Давай, – Алмазов схватил меня за затылок, притягивая к паху, – Покажи, за что я заплатил пятьдесят лямов!

В губы ткнулся уже полностью эрегированный орган, но я крепко сжимала зубы. Мужчина перехватил мое лицо своей пятерней и нажал на какие-то очень чувствительные точки, от чего мой рот раскрылся в немом крике от боли. Секунды хватило, чтобы большой член ворвался в горло.

Рука на затылке не позволяла вырваться, а бедра Алмазова с сумасшедшей скоростью продолжали двигаться навстречу. Я задыхалась, меня тошнило. Пыталась оттолкнуть его, но мужчина усилил напор.

– Нравится?! – бешено выкрикнул он, – Это только начало, Амировская сука.

Я закрыла глаза от полной безысходности. Нет, это не начало. Это конец. Мой конец.

Глава 8

Когда он с тихим хрипом закончил насилловать мой рот, то оттолкнул от себя. Я спокойно вытерлась рукой и забилась в угол машины. Спасибо тем двум ампулам, что выпустил в меня докторишка. Без них я бы уже была белугой и билась в истерике. Боюсь представить, что со мной будет, когда их действие пойдет на спад.

Бросила быстрый взгляд на Алмазова. Мужчина с брезгливым лицом застегивал джинсы и старался не смотреть в мою сторону.

– Что даже не заплачешь? – он вдруг недобро усмехнулся, продолжая игнорировать взглядом, – Делаешь вид, что все в порядке? А может, тебе понравилось? Я и повторить могу.

– А вам понравилось насилловать? – спокойно спросила его, – По-другому не дают?

Этот наркотик, так смело гуляющий по моей крови, притуплял все инстинкты. Казалось бы, лучше заткнуться и сидеть, сливаясь с сидением, но я пока была способна говорить то, что думаю, не боясь получить наказание. Пока.

Уловила мимолетное движение со стороны водительского кресла. Мужчина осуждающе качнул головой, буравя меня отнюдь не добрым взглядом. Секунда и он сжал руки на руле, продолжив делать вид, что нас не замечает.

От Алмазова веяло тяжелой подавляющей энергетикой. Одним своим присутствием он сгущал вокруг себя воздух.

– Мне вот интересно, – хищно протянул мужчина, – Ты такая смелая или головой повредила? Скорее всего, второе.

– Не переживайте, – усмехнулась, – Скоро действие наркотика закончится, и вы еще успеете вдоволь насладиться моими истериками. Вам же это нужно? Мои страдания, боль?

– Наркотика?! Тогда понятно, а я то думал, что ты храбрящаяся из последних сил идиотка.

– Думайте, что хотите, – равнодушно пожала плечами и отвернулась к окну.

В отражении мне было видно, как Алмазов оценивающе посмотрел на мою сгорбленную фигурку. На мгновение даже показалось, что в его глазах промелькнуло что-то человеческое, но оно быстро исчезло после того, как он несколько раз устало моргнул.

Кавалькада машин выехала на МКАД, доехала до Долгопрудного и двинулась в область. Мы ехали по Дмитровскому шоссе, отдаляясь от города. Кажется, покинули пределы ЦКАДа. Скоро за окном стали мелькать деревья, старые домишки и новые особняки. Наверное, едем в очередной загородный комплекс, где у этого садиста с лишними миллионами, свой дом.

* * *

Заселение в новый дом прошло без эксцессов. Алмазов просто отвел меня в темный мрачный подвал, толкнул на одинокий матрас, лежащий посреди холодного помещения, и ушел, шумно захлопнув за собой металлическую дверь.

Вокруг меня были просто бетонные стены, лежанка, в углу ведро, наполовину заполненное водой, и все. Больше ничего. Совсем. А, забыла про узкую застекленную форточку под самым потолком подвала. Какой-то умник решил оставить ее приоткрытой для проветривания.

В общем, Тибетские монахи по сравнению со мной живут в небывалой роскоши.

Но было плевать. Все еще глубоко похрен. Только голое тело зябко ежилось. Я присела на чистый и, кажется, абсолютно новый матрас. Сейчас бы завернуться в теплое одеяло, попивая чай с лимоном. Меня знобило от холода, а зубы отбивали лезгинку.

Где-то наверху едва-едва гулким эхом раздавался топот чьих-то ног. Потом раздался рассерженным мужской крик, и что-то со звоном разбилось. Никак, у моего хозяина намечалась мужицкая истерика или приступ ярости. Главное, чтобы не вздумал соваться ко мне в таком настроении.

Встала и попыталась закрыть форточку, но моего роста не хватало, чтобы достать до нужной высоты.

Участок дома, куда меня привезли, стоял на отшибе, возле кромки леса. Красиво облагороженная территория охранялась массивным забором, а перед автоматическими воротами располагалась маленькая будка, где сидел один охранник с мониторами. Значит, здесь повсюду камеры. Но даже эти моменты не остановили меня. Мысленно переставила матрас и ведро под оконный проем и заликовала, хотя на лице ничего не дрогнуло.

Вполне можно попытаться, но не сейчас, когда утренние лучи солнца уже всю пробились сквозь хмурые тучи. Я хотела сбежать ночью. Если получится. На дворе уже апрель, а у меня ни лоскутка одежды, ни обуви. Долго мне по-любому не продержаться. Расчет только на то, что удастся сразу взять верное направление к дороге, где голую девушку подберут сердобольные водители.

Сейчас этот план казался простым, как пять копеек. Именно поэтому мне хотелось дожидаться темноты и того момента, когда в мозгах рассеется наркотический туман. Он делал меня полностью равнодушной и слишком смелой. С одной стороны, это могло помочь в осуществлении задуманного, а с другой, что более вероятно, могло погубить.

Вернулась на матрас и легла, свернувшись эмбрионом. Было холодно. Очень холодно. Хотелось помыться под горячим душем, так как все тело было в грязных следах и непонятных разводах. Где только умудрилась так испачкаться?

От неприятной дрожи подскочила и запрыгала по помещению. Нужно было хоть как-то разогнать кровь, заставляя себя согреваться. Оттащила матрас в угол, где должно было меньше дуть, но легче, естественно, не стало.

Очень скоро я выдохлась и легла обратно. Просунула сцепленные ладошки себе между бедер. Так хоть немного теплее. Глаза начали постепенно слипаться, унося меня в зыбкий поверхностный сон.

Мне снились Генрих и мать, которые с пеной у рта доказывали, что согласись я на все добровольно, этого бы не произошло. Они ругали меня на чем свет стоит, обвиняя во всем случившемся. Проснулась от того, что захлебывалась собственными рыданиями.

Было чертовски жалко себя, убитого Амирова, Лешку, которого я больше никогда не увижу, и даже мать. Разрывающие на части чувства затопили так, что не могла прийти в себя. Не знаю, как долго я спала, но за окном уже темнело, а из крови явно выветрился наркотик, если меня захлестнуло с головой эмоциями.

К горлу подступила тошнота, стоило вспомнить, *что* произошло в машине. Не смогла сдержать порыв, подбежала к ведру с водой, и меня вырвало желчью, так как желудок был пустой. О том, что мне хотелось есть, даже не вспоминала.

Когда получилось выпустить из объятий ведро, мутным взглядом обвела свою камеру. Здесь явно кто-то был. Окно закрыто, а в углу в розетку подключен переносной обогреватель, работающий на полную мощность. Рядом с матрасом стоит тарелка с холодными слипшимися макаронами и стакан воды. Ни вилки, ни ложки. Есть предполагалось руками? Даже в тюрьме у отъявленных преступников жизнь комфортнее и сытнее, чем у меня.

На «трезвую» голову снова обдумала свой план. В нем было много дыр и пустых мнимых надежд, но это единственное, чем я могла себе помочь. За окном постепенно стемнело, пока я обнимала обогреватель, подтащив в противоположный угол матрас. Все это время боялась, что Алмазов решит еще раз навестить свою «покупку», но нет, в доме стояла могильная тишина.

У меня не было часов, чтобы точно знать время, поэтому ориентировалась на свои ощущения. Когда показалось, что уже давно перевалило за полночь, начала медленно осуществлять свой план. Снова подтащила многострадальный матрас под окно, сверху уложила обогреватель. Воду из ведра пришлось тихо вылить в угол подвала, чтобы потом перевернуть его и

поставить на радиатор. Конструкция вышла шаткой, но я справилась. Спокойно дотянулась до ручки окна, раскрыла его настежь и чуть не околела от холодного воздуха.

Проблема была в том, чтобы на руках подтянуть туловище и вылезти в узкий проем без посторонней помощи. На ведре, которое балансировало на честном слове, особо не подпрыгнешь, поэтому я приложила все свои усилия, чтобы подтянуться. На гимнастике мне это всегда давалось сложнее всего. Слишком слабыми были руки. Но сейчас у меня отличный стимул, который подстегивал лучше любого кнута.

Высунула голову в проем и стала медленно, по чуть-чуть, выползать по мерзлой земле. Чертыхнулась, когда попа застряла, и почувствовала себя Винни-Пухом. Не хватало только, чтобы сзади или спереди кто-то начал помогать. В итоге знатно оцарапав свои булки, я выскочила наружу, прикрыла за собой окно, чтобы не привлекало внимание, и пулей бросилась вдоль дома к забору.

На участке горели уличные фонари, и мне было прекрасно видно, куда я бегу. Голые ступни болезненно кололо от холода, все тело сковало ледяным порывом ветра. Я даже замешкалась, раздумывая, а не вернуться ли назад и выждать более удобного момента? Ага, потерпеть до июня, когда этот изверг осуществит со мной все свои тайные садистские фантазии.

Нет уж. От отвращения аж передернуло. Я прилично разогналась к моменту, когда добежала до кирпичного забора. Изнутри он был выполнен с небольшим вогнутым орнаментом в виде своеобразных ступеней. Только благодаря этому мне удалось с разбегу подпрыгнуть, оттолкнуться ногой от ниши и дотянуться до края. На этом везение закончилось. Дальше я просто тряпочкой повисла не в силах больше подтянуть на руках вес тела.

Еще повезло, что в этом углу практически не было освещения. Со стороны, наверное, картина та еще была! Голая девушка висит на руках и сверкает разодранными ягодицами. Но я была бы не я, если сейчас, за шаг до свободы, сдалась. Активно задвигала ногами, ища новую точку опоры. И нашла!

Перекинула половину тела через забор и замерла. Гадство! По дороге к дому ехал стройный ряд машин с включенным дальним светом.

Они ослепляли меня, пока я, как могла вжималась в кирпичную кладку, стараясь слиться с пейзажем. Надо было действовать, пока они не заметили незапланированный «декоративный элемент» на заборе. За горгулью или флюгер меня вряд ли примут.

Но как же ломило тело от холода! Еще будто назло безбашенный ветер задувал туда, куда не следовало. Заболею, вот к гадалке не ходи, но после такого приключения свалюсь с пневмонией.

Снизу вдруг раздалось деликатное рычание. Доберманы! Четыре пса с интересом пытались дотянуться и обнюхать мою свисающую ногу.

– Фу! – зло прошипела им, чем вызвала возмущенный лай.

Собачки явно хотели отведать новый для них деликатес в виде человеческих пальчиков. Их лай послужил для меня сигналом стартового пистолета. Машины как раз успели заехать на участок и остановились. Я же уже спрыгивала по ту сторону участка.

Теперь осталось решить, куда бежать. К дороге, где я буду, как на ладони, но быстро доберусь до шоссе, или к кромке леса, где легко затеряюсь? Зато вдоль него можно будет спокойно добежать до трассы и не попасться. Очевидно, второй вариант.

Кое-где еще оставался снег, но я бежала, не разбирая дороги. Темный часток кол деревьев – вот мое спасение. За спиной, где-то на участке, раздалось возбужденные крики, что снова весьма нехило подстегнуло.

У меня не было времени смаковать притупившийся страх и терзаться опасениями. Я выживала и спасала свою жизнь.

Глава 9

Пожалуй, я переоценила свои силы, и мой план катился ко всем чертям.

Пока бежала до кромки леса, несколько раз оглядывалась. Преследователи тоже покинули участок и осматривались по сторонам. Человек десять бросились к машинам и тут же сорвались с места. Их фары дальнего света били далеко, и моя одинокая бледная фигурка, бегущая вдоль оврага и дороги, сразу бросилась им в глаза.

Я тут же забыла про холод, сковавший все тело. Наоборот жар прилил к щекам и груди, пока ноги ускорились. До леса еще несколько десятков метров. Нужно успеть, чтобы затеряться среди деревьев. Уйти так далеко и глубоко, чтобы они меня не нашли.

За спиной уже совсем близко слышался рык мотора, фары хорошо освещали дорогу. Еще немного и я с разбега нырнула в лес. Ступни больно приземлились, явно обо что-то порезавшись, но адреналин, бурливший в крови, подстегивал бежать, заглушая боль.

Я ощутила себя оленем, за которым гонятся хищники. Опасные хищники, почуявшие, что от них убегают пятьдесят миллионов.

Преследователи выскочили из машин и бросились следом. Их быстрые шаги эхом раздавались в моей голове. Они не кричали и не матерились, лишь методично преследовали меня, не давая увеличить между нами дистанцию. Так загоняют раненного зверя. А именно им я сейчас и была, оставляя за собой кровавый след.

Ветки темных деревьев больно хлестали по лицу, цепляли волосы. Бежала, не разбирая дороги, пока не поняла, что по пятам никто не идет. Эти гады отстали, зато я окончательно заблудилась. Старалась придерживаться курса вдоль кромки леса, но очень скоро начала петлять, как заяц. Лишь бы оторваться. Вот и допетлялась. Но даже это было лучше, чем снова оказаться в том подвале, где меня будут мучить, а возможно и пытаться.

Затихла и прислушалась. Только мое сердце стучало где-то в районе горла, обещая вот-вот выпрыгнуть. Холод снова стал медленно обволакивать тело, а раненные ноги запульсировали острой болью.

На земле кое-где еще лежал снег, колючие маленькие ветки и камушки. Стоило посмотреть вниз, и я ужаснулась. Как смогла, не обращая внимания, так долго бежать по всему этому?

Сделала осторожный шаг, чтобы начать выбираться отсюда, и не сдержала легкий вскрик. В ступнях все полыхало от боли. Присела на поваленное холодное бревно и подтянула сначала правую ногу. Лучше бы я этого не делала.

Сразу замутило от вида крови. Она до сих пор продолжала капать на землю, а из ступни виднелся маленький осколок. Маленький, потому, что большая его часть вошла в кожу, как нож в масло. Мне стало дурно. Особенно, когда попыталась самостоятельно его вытащить и чуть не взревела от боли. Слезы брызнули из глаз, когда я уже выкинула на землю шестисантиметровый изогнутый осколок от бутылки.

Сидела укачивала ногу, как младенца, и тихо плакала. Плотина спокойствия рисковала вот-вот прорваться. Хотя какое к псам спокойствие?! Я была в ужасе.

От холода первая конечность уже успела слегка онеметь, приглушая боль, но это был плохой знак. Очень плохой. Таким темпом можно получить обморожение, что повлечет за собой ампутацию. И об этом очень не хотелось думать...

Поменяла ногу. Из второй ступни торчало четыре осколка, так же глубоко зашедших в плоть.

Где-то хрустнула ветка, и я резко дернулась. Вгляделась в ночную темноту, но никого не видела и больше не слышала. Было очень страшно одной. За каждым деревом мерещились силуэты бандитов и всякой нечисти. Но стиснув зубы, я терпела и уговаривала себя быть сильной. За последний месяц эта аффирмация стала самой часто повторяемой.

Взялась за осколок и аккуратно под свой скулеж потянула.

– Попалась! – вдруг рявкнули над ухом и сильные руки схватили меня за плечи.

– А-а-а-а-а-а!!! – как же громко и сильно я закричала от испуга...

Мой визг эхом разносился на много километров, пока тот, кто меня поймал, не зажал мне рукой рот.

– Да заткнись ты! – мужчина с силой потрянул меня, свалив с бревна, – Поднимайся и пошли.

– Нет...нет... лучше убей, а? – подняла на него слезящиеся глаза. Передо мной стоял разъяренный Алмазов собственной персоной.

Все те же джинсы, пуловер, легкая куртка. Смотря на одежду, мое тело стало трястись от холода.

– Убить? – рассмеялся мужчина, – Мы еще даже не начали, а ты уже просишь прикончить тебя? Чувствую, моя игра с тобой будет очень короткой и не долгой.

– Играйся с теми, кто равен тебе и может достойно ответить. А меня и до тебя месяц мучили! Думаешь, ты первый, кто меня купил? – хрипло закричала на него, – Чертас два! Амиров так же выкупил меня у отчима с матерью! Уж не знаю за какую сумму, но точно не за две копейки. Я этот месяц не жила, а существовала с мыслью, как бы все прекратить, а тут появляются те уроды и ты!

– Бедная, – без всякого сочувствия процедил он, – Не жизнь, а мучения. На свадьбу получила красный мерс, а хотела золотой?! Поднимайся! Живо.

Эта сволочь обогнул бревно и вцепился мне в волосы, поднимая наверх.

– Не могу, – истерически закричала, прыгая на одной ноге.

– Почему?

– Стекла впились в ноги, – с мучительным стоном показала ему кровавую кашу.

– Блять! – Алмазов отшатнулся и замер. Да уж, зрелище не для слабонервных, согласна, – А как бежала тогда? Зайцем петляла между деревьев. Мы тебя даже надолго потеряли из виду.

– На адреналине, – пожала плечами, – Пока бежала – терпела. Стоило остановиться, как боль появилась.

– Идиотка, – зарычал Алмазов, – Нехер было сбегать. Да еще и голышом.

– Мне никто не потрудился дать хоть какую-нибудь тряпку.

– А ты и не заслуживаешь, – рявкнул он.

Я не стала больше вести с ним бесполезный диалог. Боль отнимала все силы.

Мужчина пару раз рвано вдохнул, выдохнул и скинул с себя куртку. Подошел ко мне и с видом великого одолжения набросил ее на плечи. Я не стала показывать свой характер, быстро продела руки в рукава, застегнула молнию и утонула в вещи. Она была размеров на пять больше меня и источала горьковатый запах парфюма.

Алмазов наклонился и без лишних слов поднял меня к себе на руки.

Может, попытаться его задушить? Ага, скорее потом мой окоченевший труп найдут, а не его. Если найдут еще.

– Ты совершаешь большую ошибку, если хочешь мстить мне за грехи Амирова, – тихо сказала.

– Заткнись и сиди молча, если не хочешь ползти до дома на карачках, – сцепив зубы, процедил он.

Мне не хотелось его разглядывать, но взгляд сам по себе возвращался к лицу мужчины. В темноте было плохо видно, но я разглядела прямой нос с упрямым подбородком.

– Успеешь еще насмотреться, – вдруг хохотнул Алмазов, – У нас с тобой впереди много времени. Еще надоем тебе своей противной рожей.

– Много времени до чего?

Он на секунду задумался и сжал меня руками.

– До конца. Понимай, как хочешь, – его ответ сквозил одержимостью вперемешку с болью и ненавистью. Эта смесь чувств буквально ударила по мне, вызывая животный страх.

Скоро мы вышли из леса на какую-то пустынную дорогу и Алмазов поставил меня на одну ногу. Его лапища держала мою шею, будто в любой момент готовая ее переломить или сжать до характерного хруста.

Мужчина взялся за телефон и позвонил своим людям, чтобы те подъехали. Через десять минут вдалеке показался свет фар, а еще через какое-то время меня уже доставали из машины, так как мы приехали в его дом.

И снова подвал...

– Скоро приду, – многообещающе бросил садист и ушел.

Я включила обогреватель, пододвинула к нему матрас и легла прямо в куртке Алмазова. Так было теплее. Сил, чтобы вытащить осколки из второй ноги, у меня больше не было. Тело мертвым грузом лежало и ныло от боли. Так хотелось прекратить эти мучения одним махом.

Думая столь крамольные мысли, я все-таки с громким криком вытащила оставшиеся осколки. Всего четыре, но зато какие! Длинные, очень острые с одного края и с удобной частью, чтобы держать его в руках.

Выбрала самый большой и острый и припрятала в матрас, чуть-чуть разрезав его по шву. Пригодится, когда больше не будет сил оставаться в этом мире на правах вечной жертвы. Остальные три бросила на бетонный пол и почти выключилась, когда раздалось лязганье металлической двери.

На пороге стоял Алмазов с бутылкой воды и каким-то свертком.

Глава 10

– Ты не имела права сбежать, – раскатисто отчитывал меня Алмазов, – Ты – моя вещь. Моя собственность. С этого момента вся твоя жизнь, твое тело и мысли принадлежат мне.

Мужчина зло сощурил глаза и приблизил свое лицо к моему. Опустила глаза, чтобы не показывать своего страха и отчаяния.

– Ты меня поняла? – обхватил рукой за шею и ощутимо сжал, поднимая мою голову.

– Д-д-да, – лязгнула зубами, когда он меня встряхнул и оттолкнул на матрас. Упала, неприлично разведя ноги в стороны, но тут же собралась и сжала их.

Уже привыкла к своей наготы, но когда Алмазов завис надо мной хищником и пошло ухмыльнулся, прожигая нехорошим взглядом, то пожелала закутаться в сто слоев одежды. Не хочу давать ему ни малейшего повода для соблазнения.

– Покажи свои ноги, – его взгляд снова стал осмысленный, а голос похожим на лязг металла.

Пальцы мужчины легко взяли мою ступню и осторожно ощупали. В одном месте не сдержалась и вскрикнула от боли, пытаюсь выдернуть ногу из захвата.

– Не дергайся, – процедил Алмазов, – Там еще несколько осколков осталось. Если не вытащить, будет заражение и ампутация. Без ног хочешь остаться?

Слезы уже вовсю лились по щекам, а руки сжимали края матраса.

– Ты же меня все равно убьешь? Так зачем мучиться? – сквозь всхлипы спросила.

– Убью, – после небольшой паузы согласился он, – А если не убью, так сама помрешь.

– Такой у тебя план? Издеваться надо мной до смерти?

– Почти, – он равнодушно пожал плечами и предупредил, – Сейчас будет больно.

Больно? Да это с ума сойти, как больно!!! Он резко выдернул застрявший осколок, второй и отпустил мою ногу.

– Давай вторую, – приказал Алмазов, выкидывая на пол куски стекла.

– Нет, я там все достала, – поджала под себя многострадальные конечности и затряслась.

– Я должен лично в этом убедиться, – грозно нахмурил брови и потянулся ко мне, – Не заставляй меня делать тебе больнее, чем нужно.

– Больнее чем нужно? У тебя план что ли составлен?! – он псих! Ненормальный больной идиот!

– Не заговаривай мне зубы и дай сюда свою ногу, – Алмазов облокотился на матрас и стал еще ближе ко мне.

Он был так зол, что мне казалось, у него сейчас глаза покраснеют, как у демона или оборотня. А над верхней губой прорежутся клыки, которыми меня растерзают. Выставила вперед ногу, и она тут же была схвачена шустрыми руками.

– Здесь все нормально, – отпустил меня, и я воспользовалась возможностью забиться подальше в угол.

Меня всю трясло от долгой компании Алмазова. Хотелось, чтобы он вышел и больше никогда не приходил сюда.

– Отдай мою куртку, – приказал мужчина и требовательно вытянул руку.

– Здесь очень холодно. Позволь мне оставить ее? Или дай другую одежду? – робко заикнулась, даже не надеясь на успех.

– Ты не на курорте и здесь стоит обогреватель. Я жду, – он добавил в голос металл, сжимая кулак.

Тяжело сглотнула и стала медленно расстегивать куртку. Тело тут же затряслось сильнее, а по коже поползли мурашки от холода. Презрительно бросила одежду на пол и постаралась

максимально закрыться руками. Не хотела, чтобы этот садист продолжал меня рассматривать своим тяжелым и похотливым взглядом.

– Я вся в грязи после... леса... Могу я сходить в душ и промыть раны на ногах? – очень хотелось встать под струи кипятка и сохранить на долгое время ощущение тепла.

Алмазов колебался. Где-то очень-очень глубоко в его глазах плескалось нечто человеческое. Или я выдавала желаемое за действительное? Мужчина прошелся взглядом по испачканным рукам, плечам, бедрам. Сомневался, стоит ли меня выводить из подвала.

– Пожалуйста, – тихо добавила.

– Ладно. Первый и последний раз. Потом будешь мыться здесь из бутылки с водой, – решил он и развернулся к двери, – Подошла ко мне.

Холодный приказ заставил кое-как подняться с матраса и доковылять до него. Мужчина сжал мое плечо и заставил встать впереди него, когда выходили из подвала на лестницу.

Я кожей чувствовала, как он разглядывает мою спину и то, что ниже. Было очень некомфортно, и легкая дрожь прошла от шеи до бедер.

Оцарапанных ягодиц коснулись холодные шероховатые пальцы, а я от неожиданности и неприятных ощущений аж подпрыгнула и зашипела разъяренной коброй.

– Хм, – с нотками веселья хмыкнул Алмазов. Еще бы, ему казалось забавным, что прямо перед его носом мелькает оголенный зад. Хотелось лягнуть его, чтобы уж наверняка свалился с лестницы. Только какова цена за такой финт будет?

Поднялись наверх. Здесь уютно горел свет и было тепло. Светлые тона интерьера красиво сочетались с каждым элементом дизайна. Все выглядело современно и очень уютно.

– Направо, – чуть хриплым голосом скомандовал Алмазов.

Он довел меня до гостевой ванны на первом этаже, зашел внутрь и все проверил. Здесь не было окон или каких-либо предметов, которые могли бы сойти за оружие.

– Мойся, – кивнул мне, – Я буду стоять смотреть за тобой.

Больной психопат! Ладно, раз ты так хочешь зрелищ, смотри.

Залезла в огромную ванну и пустила горячую обжигающую воду. Сейчас я бы даже с удовольствием посидела в адском котле с кипятком, лишь бы перестать дрожать и хоть как-то согреться.

Все тело разом защипало. Мелкие царапинки и раны болезненно жгло, а вода быстро окрашивалась в красный и серый цвета.

Я не смотрела в сторону замершего у раковины Алмазова. Успею еще, как он сказал, насмотреться на его мерзкую рожу.

Несколько раз слила успевшую загрязниться воду и снова залипла под горячими струями душа.

– При таких ранах на ногах не стоит купаться в кипятке. У тебя кровь идет, – из клубов пара раздался его голос.

– Я уже почти закончила, – не раскрывая глаз, процедила.

– Выходи. Я уже запарился здесь стоять.

Покосилась на него. Кто же тебя заставляет стоять над душой?

Вышла из ванны и встала на брошенное на пол полотенце. От ступней действительно остались кровавые следы.

– Стой здесь, – ругнулся Алмазов и вышел, не забыв закрыть ванну снаружи.

Он пришел через пять минут, неся в руках аптечку из подвала и мужские шлёпки. Сунул мне в руки коробочку и продолжил смотреть, как я обрабатываю кожу перекисью, йодом и заклеиваю порезы пластырем.

– Надень тапки, чтобы не подцепить какую заразу, – холодно процедил мужчина и бросил к моим ногам мужскую обувь.

Я в них утонула и при каждом шаге старалась цепляться пальцами за кромку тапок, чтобы не слетели. Одежду мне не дали и в этот раз, поэтому в подвал спускалась с мокрой головой, но закутанная в полотенце. Просто, выходя из ванны, сделала вид, что забыла про него, а Алмазов не обратил на это внимание. Зато теперь будет хоть чем укрыть часть тела ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.